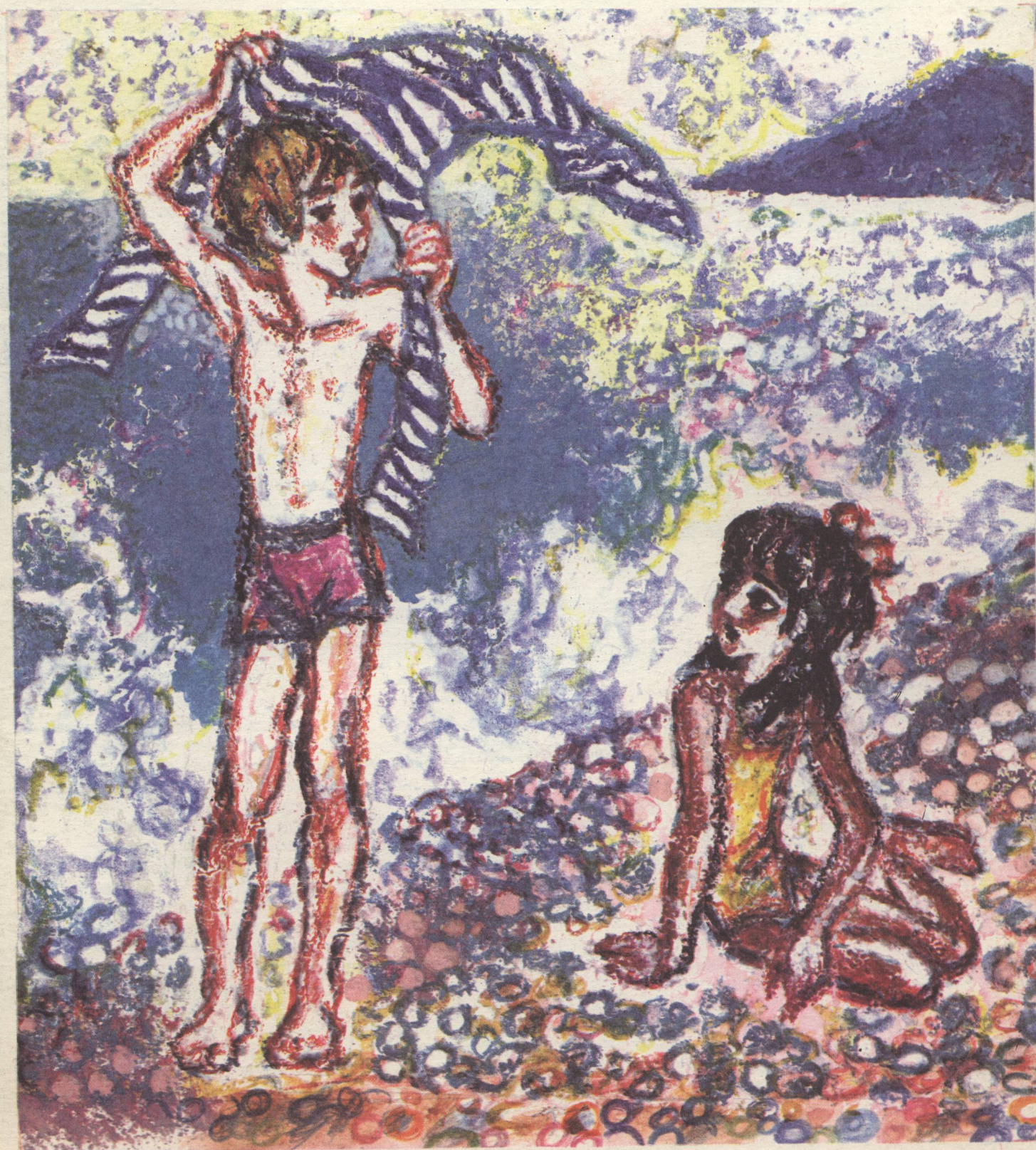
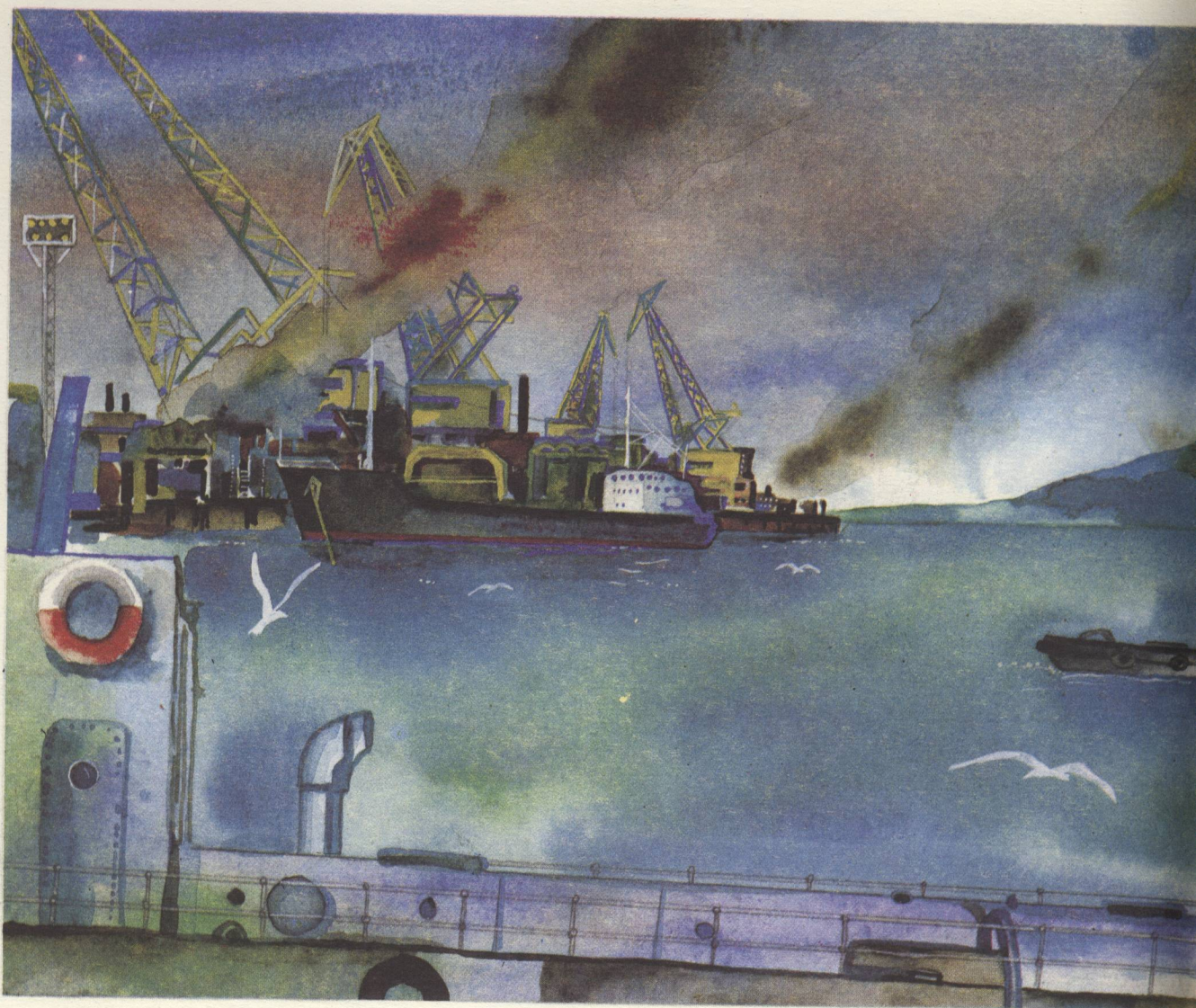

КОСТЕР

6 ИЮНЬ 1976

Handwritten signature and date: 1976

КОСТЁР

6
ИЮНЬ
1976

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костёр“, 1976 г.

*На обложке
рисунок
Т. Оболенской
к рассказу
А. Кирносова*

Владимир АРРО

У САМОГО

КТО ЧТО РАССКАЖЕТ

В одних портах пахнет бананами, ананасами. В других — рыбой. В Кандалакшском порту пахнет главными запахами земли: хлебом, углем, лесом, железной рудой да еще — вот неожиданно — сеном.

Если бы грузы умели разговаривать, они бы только и спрашивали: откуда? куда?

Хлеб с гордостью рассказал бы, как рос в украинских степях, наливался в колосьях, зрел, а потом его скосили, об-

молотили, и теперь он держит путь в северный город Норильск, чтобы стать румяными булочками или душистым печеным хлебом.

Уголь простуженным басом сообщил бы, что лежал пластами тысячи лет глубоко под мерзлой землей у реки Печоры, а сейчас отправляется железной дорогой туда, где добывают апатиты, чтобы сгореть в топках Кировской ГРЭС и дать людям веселое и сильное электричество.

Лес проскрипел бы, что вырос в Карелии, недавно стал крепкими смолистыми досками и чуть погода будет строи-

БЕЛОГО МОРЯ

Рисунки О. Зуева

тельным материалом в Талнахе.

Железная руда рассказала бы, что добыли ее в рудниках неподалеку отсюда, в Ковде, что плывет она пароходом на Череповецкий металлургический завод и, возможно, уже на той неделе станет звонкой несгибаемой сталью.

Словом, каждый бы рассказал о своем.

Ну а сено? О чем оно рассказало бы? О приокских поймах или рязанских лугах? Скоро, скоро душистое сено отправится на заполярные фермы и обернется парным молоком.

О своих биографиях могли бы поведать и ленинградские тракторы К-701, и горьковские автомобили.

Но общее у всех грузов то, что они сошлись в Кандалакшском порту, что у них позади дорога и впереди — дорога.

ЖЕЛЕЗНЫЕ СИЛАЧИ

Стоит лишь час тут походить, и начнешь понимать, что порт — это огромный трудяга-грузчик. Полные сутки, ни на минуту не останавливаясь, пыхтит он и двигается, не про-

изводя при этом особого шума, и целые горы наработанного народом добра приходят в движение на этом вытянутом, сравнительно маленьком береговом пространстве. Один за другим нагруженные пароходы и железнодорожные составы уходят по назначению.

Северная природа упряма, шутить не любит: вот вам открытая вода с конца апреля до конца декабря — как хотите, так и управляйтесь. На остальное время морозы закуют ее в ледяной панцирь. А люди в Норильске, в Череповце, в Кировске ждут — им надо работать в течение года.

Вот поэтому во время навигации Кандалакшский порт трудится по жесткому, напряженному плану. Каждое его движение рассчитано и сосчитано.

Как же это достигается?

Инженер Вадим Белов, который водил нас по территории, начал свое объяснение с механизации.

Да объяснять-то ничего особого не приходилось — двенадцать порталных, два железнодорожных и три гусеничных крана говорили сами за себя.

Вся эта железноногая, длинноногая команда втихомолку и без суеты вертелась в разные стороны. И на стальных тросах высоко по воздуху плыли то пачка досок, то связка спрессованных сенных брикетов, то контейнер, то автомобиль. Иные краны опускали на тросах в трюм судна разинутый зубастый грейфер, и он, сомкнув челюсти, возвращался с пятью тоннами угля.

Выбрав момент, мы забрались на кран и увидели всю территорию порта — со складами, штабелями, вереницами железнодорожных вагонов — и ожидающие своей очереди суда на рейде, и дальние сопки, и сморщенную поверхность залива с яркими силуэтами чаек.

Конечно, с такой высоты крановщик смотрит на все эти мешочки, вагончики и автомобильчики как повелитель, хозяин. Но бывает, что и этому

человеку приходится останавливать кран и нехотя слезать со своей верхотуры вниз. Это когда на море разыграется шторм и кран начнет гудеть и раскачиваться, а громкоговоритель принесет строгую команду: «Кранам прекратить работу!»

— А там что такое происходит? — спросили мы.

Там, на краю порта, возле какого-то горбатого сооружения, действительно происходило что-то очень уж странное. Вагоны отрывались от родимых рельс и, движимые какой-то неясной гигантской силой, описывали дугу и вздымались в воздух как-то уж совсем неприлично — колесами вверх.

— Сейчас туда и пойдём, — сказал Вадим.

Через десять минут мы стояли у специализированной установки по разгрузке руды. Это было горбатое чудовище, которое захватывало ничего не подозревающий вагон в люльку, переворачивало над собой и с помощью вибраторов вытряхивало из него все содержимое — похоже на то, как три мушкетера вытряхивали из миледи письмо кардинала Ришелье.

Не успевший ничего сообщить вагон снова оказывался на рельсах и с горки, своим ходом, скатывался вниз. А руда, попавшая на транспортеры, над нашими головами шла прямо в трюм судна.

То, на что раньше уходило восемь часов рабочего време-

ни — разгрузка-погрузка целого состава руды, — теперь делается за три часа. Пять минут — и нет вагона. Он уже в трюме. Кто следующий?

— Но вот что еще важно, — сказал Вадим, — механизмы не всегда работают так, как нам надо. Мы все время смотрим: что тут можно усовершенствовать, чтобы было удобней, быстрее. И не только мы, инженеры, над этим думаем, но и докеры.

А в дальнейшем выяснилось, что Вадим Белов — это не кто иной, как председатель местного общества рационализаторов и изобретателей.

„АРКТИКА“ ЖДЕТ „ПЕЧЕНГУ“

Механизмы механизмами, но в порту все зависит от людей. Вот бригада докеров Ивана Яковлевича Гришина. Это уже не те грузчики-крючники, которые полагались только на свою физическую силу. Они скорее механизаторы. Шестеро из них — докеры первого класса. Это значит, что они могут работать крановщиками, водителями автопогрузчиков, стропальщиками-сигнальщиками, а также слесарями. И остальные имеют не меньше двух специальностей. Люди растут, учатся. Сам главный инженер Борис Александрович Борцев был когда-то крановщиком.

Интересные есть специальности в порту. А звучат-то как!

Лоцман Е. И. Бояринцев

Например — стивидор. Это не просто бригадир докеров, не просто распорядитель работ, это человек большого опыта и знаний.

Вот идем мы по порту, вдруг встречаем коренастого, плотного такого мужчину в фуражке с «крабом». Вадим говорит:

— Знакомьтесь, это наш старый лоцман, Евгений Иванович Бояринцев.

А лоцман — это в порту, можно сказать, самый морской человек, он сквозь воду видит, он в бухте или в заливе — как у себя дома, он встречает суда и провожает. Без лоцмана судно не имеет права ни выйти из порта, ни войти в порт.

— Ну, что, журналисты, — говорит Евгений Иванович, — хотите встретить корабль? — А сам посмеивается. — Знаю, хотите. Сегодня днем в порту бросит якорь «Печенга».

А мы, когда ходили по порту, много раз слышали: «„Печенга“ приходит». «Во сколько приходит „Печенга“?» Когда мы были в комнате диспетчера, по радио раздался голос:

— Кандалакша, «Печенга» говорит, уточняя подход к Горелым островам — 15.00. В Кандалакше будем в 15.45. Якорь бросим в 15.50. Высылайте комиссию. Санитарного врача не забудьте.

«Печенга» несла на своем днище моллюсков Атлантики.

Все это мы знали, но только потом поняли причину всеобщего оживления. Самым инте-

ресным было — не откуда пришла «Печенга», а куда направляется.

В эти же дни газеты писали: «Атомоход „Арктика“ взял курс на Диксон! Арктическая навигация началась!»

Радиооператор сообщал с атомохода: «В 20.05 по московскому времени „Арктика“, прощальным гудком поприветствовав Мурманск, стоящие на рейде и в порту суда и своего старшего брата — атомоход «Ленин», устремилась по заливу к морю. Перед атомоходом стоит задача: пройти до Диксона, взломать ледовую переемычку на Енисее и, вернувшись к западной кромке льда, взять под проводку первый караван судов».

Так вот, эти транспортные суда должны будут грузиться в Кандалакшском порту. А первым из них — «Печенга».

Одним словом, мы присутствовали при открытии арктической навигации. И, понимая важность происходящих событий, следили, как «Печенгу» старательно и неустанно начинают разными грузами: мешками с мукой, сеном, трубами, рельсами, контейнерами, кабелем в барабанах, проволокой в бухтах. А сверху на палубу ставят новенькую автотехнику.

Через несколько дней, дождавшись у острова Вайгач остальных судов каравана и получив команду с атомохода «Арктика», «Печенга» войдет в Ледовитый океан.

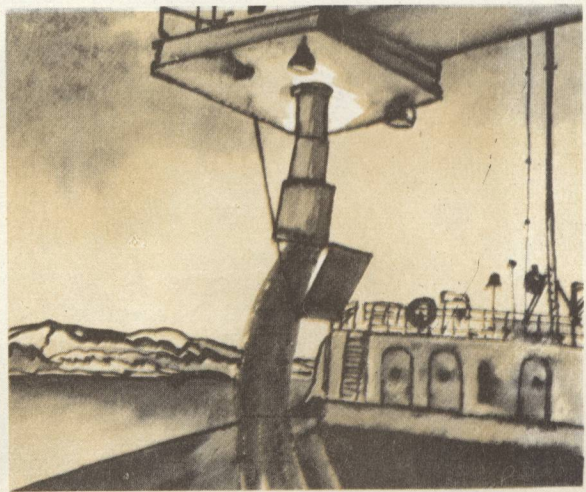
НА СУХОГРУЗЕ

Мы уходили из Кандалакши на сухогрузе «Волго-Балт-14». Когда мы ступили на борт, в распахнутые трюмы его сыпался из хобота спецустановки тяжелый черный порошок. Это была руда из Ковдора. Сверху, из стеклянной будки выглядывала девушка. Она передвигалась вместе с хоботом и следила, чтобы руда сыпалась равномерно, а то судно будет кренить. С палубы ей подавал советы третий штурман. Они и по делу разговаривали, и шутить успевали. И так, за шутками, перевалили в чрево нашего судна ни много ни мало — 45 железнодорожных вагонов железной руды.

Крышки трюмов стали закрываться. К носу нашему прицепился маленький желтый катерок «Маяк» и, тужась изо всех сил, стал отводить нас от стенки причала. А потом отцепился и бросился наутек — испугался, что задавим.

Ни единого человека мы не знали на судне — и вдруг нас окликают из рулевой рубки. Смотрим — Евгений Иванович. Он успел пожать нам руки и перешел на «Маяк».

Судно наше двигалось вдоль волнистой гряды синих сопков. Мимо проплывали острова с затихшими на ночь птицами. Мы оглянулись и увидели красное солнце, повисшее над линией горизонта, и четкие силуэты порталов кранов. Некоторые из них двигались. Порт начинал трудовую ночь.

ПЯТЬ ПОХИЩЕННЫХ МОНАХОВ

ПОВЕСТЬ

Юрий КОВАЛЬ

Рисунки В. Топкова

Возле дома номер семь гражданин Никифоров приостановился.

Он закинул на плечо сельскохозяйственные грабли, которые обычно носил с собой, и оглядел с удивлением толпу, собравшуюся у ворот. Толпа эта действительно удивляла, потому что в ней были и мужчины и женщины.

Если б это была абсолютно мужская толпа или совершенно женская, гражданин Никифоров ни секунды бы не задержался.

Тут из толпы вышел человек и спросил гражданина Никифорова:

— И что ж, их прямо в рясе повели?

— Не знаю, — вздрогнул гражданин. Его напугали эти неприятные слова. Слово «ряса» он недопонял, а что такое «повели», сразу догадался.

— Ага, в рясе, — заметил кто-то. — Идут рядышком пять монахов, а руки цепями скованы.

— Четыре монаха и поп с бородой!

— А за что же их, монахов-то?

— Голубей они украли...

— Чего ты болтаешь, зачем им голуби? У них денег полный чемодан.

— Монахам голубей не надо? Ну сказал, что в воду перышко пустил!

— Какие монахи? Каких голубей? Вы что городите? Ведь у нас монахи только у Длинного, а у него их всех сперли.

— Кого?

— Монахов! Пять штук! Сперли и в корзинке унесли!

— Да разве ж они залезут в корзинку?

— Тьфу! — плюнул гражданин Никифоров и, подхватив свои грабли, поспешил в закоулочек.

Он сделал уж два шага и только хотел начинать третий, как вдруг наткнулся на старушку, пристально его разглядывавшую.

— А ну-ка постой, голубок, — сказала старушка, плечом загораживая дорогу. — А не замешан ли ты в этом деле? Зачем ты бледнешь?

Смертельно тут побледнел гражданин Никифоров и побежал со всех ног.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ДОРОГУ НОВОМУ

Был ясный весенний день, который клонился уже к вечеру.

От асфальта, нагретого солнцем и омытого дворниками, пахло черемухой.

Все окна в нашем доме были распахнуты, и кое-какие жильцы задумчиво выглядывали во двор. Только одно окно на втором этаже было крепко заперто шпингалетами, и оттуда сквозь мутное стекло глядела на улицу белая собака Валет.

Из окна на первом этаже, которое сплошь заросло зеленым луком, слышались глухие раскаты. Там что-то туго стукнуло и донесся голос:

— Где моя курица?

— Она висит между дверями, — раздраженно ответили из глубины квартиры.

— Вечно она вешает курицу между дверями, — сказал Длинный, обращаясь ко мне. — По-моему, это отвратительно.

— Еще бы, — подтвердил я.

Мы стояли посреди двора, под американским кленом, на ветвях которого висел чулок.

— А ты, Длинный, молчи, — крикнула Райка Паукова, высываясь из-за зеленого лука. — Вот дом снесут и шкафы твои сломают!

Длинный побледнел. Шкафы были его большим местом.

— Как хотите, а я не выселюсь, — крикнула тетя Паня с пятого этажа.

— Второй год сижу на чемоданах, — поддержала ее лифтерша тетя Таня, выходя из первого подъезда. — Еще и не знаю, куда переселят. Загонят куда-нибудь в Бирюлево.

— Я в Бирюлево не поеду, — сказала тетя Паня. — Там все дома белые.

— Дом подлежит сносу, — подал голос дядя Сюва с третьего. — А раз подлежит — следует его сломать. Надо дать дорогу новому.

— Мне и в старом хорошо, — высказалась тетя Паня.

— Ну зачем же сносить наш дом? У нас даже лифт есть, в первом подъезде.

— Ну уж — лифт. Тоже мне, барахло.

— Кабина-то совсем новенькая! В ней можно на Марс подняться!

— А вдруг не снесут, — с надеждой сказал Длинный. — Вдруг передумают. Обещались к маю снести, а не сносят.

— Снесут, снесут, и шкафы твои с крыши скинут, — добавила Райка Паукова, мстительно выглянув из окна.

Длинный невольно глянул вверх. Там, на крыше, прямо под облаками, в рожице телеви-

Журнальный вариант.

зионных антенн стояли два шкафа — буфет и гардероб. Они хорошо были видны с тротуара, и иной прохожий останавливался и подолгу раздумывал, задравши голову, к чему поставлены они. Но когда появлялся на крыше Длинный, распахивал резные дверцы — в небо из гардероба вылетали четыре ослепительных голубя, а из буфета — пятый.

— Голубятня! — удивлялся прохожий, широко разводя руками. — Уголок старой Москвы!

— Надо дать дорогу новому, — бубнил дядя Сюва. — Новое идет на смену старому.

— А в новых домах, — сказала Райка Паукова, — голубей держать не разрешается.

Она нервно наломала зеленого лука и спряталась в глубине квартиры.

— А я на балконе буду держать, — сказал Длинный. — На балконе-то, наверно, можно. Верно, Юрка?

— Еще бы, — ответил я.

Длинный повеселел и достал из кармана губную гармошку «Универсаль».

— Что это все гитара да гитара, — сказал он. — Есть ведь и другие музыкальные инструменты.

Он приложил гармошку к губам. Казалось, он примеривается съесть ее, как сверкающее пирожное.

— Три—четыре! — крикнул дядя Сюва, и Длинный дунул в басы.

Шипящее, гудящее дерево музыки выросло рядом с американским кленом, и сразу же Райка Паукова прикрыла окно, дядя Сюва стал смешно дирижировать толстыми пальчиками, а возле третьего подъезда остановился Жилец из двадцать девятой квартиры, только что вошедший с улицы во двор.

„НЕКОМУ БЕРЕЗКУ ЗАЛОМАТИ“

Об этом Жильце надо бы рассказать подробней, потому что в первую очередь подозрения упали на него. Но упали они немного позднее, примерно через час, а в тот момент мы никак не думали, что подозрения начнут падать.

Жилец из двадцать девятой квартиры стоял у подъезда и слушал музыку и был пока вне подозрений. Впрочем, стоял он понуро, плечи его были опущены, голова в эти плечи втянута, как будто он боялся, что на него что-нибудь упадет.

Вдруг он расправил плечи, более гордо поднял голову и пошел прямо к нам. Однако подойти к нам было не просто. Уже не дерево, а заросли музыки, колючие кусты, вроде шиповника, выдувал Длинный из губной гармошки. Жилец с трудом продирался через них, трещал его плащ, а Длинный играл все сильнее, стараясь превратить эти заросли в джунгли.

— Разрешите, — сказал Жилец.

— Что такое? — не понял Длинный, отрывая гармонь ото рта.

— Музыка утоляет печаль, — сказал Жилец и мягко отобрал у Длинного музыкальный

инструмент. Он вынул из кармана носовой платок с фиолетовыми цветочками, аккуратно протер им гармонику и после приложил ее к губам. Он не всунул ее грубо в рот, как это делал Длинный, а сложил губы бантиком и бантик приблизил к ладам-окошечкам. Гармошка нежно прошипела:

— Финкильштейн.

Жилец недовольно покачал головой и снова принялся протирать и продувать гармошку. Затем сложил из губ еще более красивый бантик, глаза его увлажнились, и тихо-тихо, тоскливо и пискляво он заиграл:

«Некому березку заломати...»

Печальная знакомая мелодия заструилась из губной гармоники «Универсаль». Перед глазами у меня само собой возникло вдруг золотое поле пшеницы и маленькая березка, трепещущая на ветру. Играя, Жилец глядел в небо, слегка раскачивался и в своем зеленом плаще был похож на березку, которую некому было покамест заломати.

Многие жильцы высунулись из окон поглядеть, кто это играет, опечалился дядя Сюва, и даже Райка Паукова хмуро глянула из-за зеленого лука. Замахал под музыку ветвями американский клен — единственное наше дерево, а дом наш старый, четырехэтажный, помрачнел, чувствуя, как видно, что очень скоро смеют его заломати в отличие от березки.

Музыка плыла по этажам, и под ее задушевные аккорды во двор с улицы вошла сухонькая старушка в черном пальто. Она остановилась посреди двора и подняла к небу указательный палец.

Это была бабушка Волк.

БАБУШКА ВОЛК

В роговых очках с толстыми линзами, в черном длинном пальто, с хозяйственной сумкой, из которой торчали макароны, бабушка Волк казалась, на первый взгляд, той самой старушкой, про которую сказано — «божий одуванчик». Да только дунуть на этот одуванчик в нашем доме никто не решался, а если б решился, то с таким треском летел бы из подворотни, что потом никогда уж не стал бы дуть на одуванчики.

Войдя во двор, бабушка Волк сурово глянула на Жильца, и он сразу поперхнулся, наврал в мелодии, вместо березки выдул бородавчатый бересклет. Остатки музыки, как мыльные пузыри, улетели в небо.

Выставив указательный палец им вдогонку, бабушка Волк громко сказала:

— Пакуйтесь!

— Что такое! — заволновались жильцы. — Неужели? Неужели решение состоялось?!

— Пакуйтесь! — повторила бабушка Волк с еще большим нажимом. — Снесут через неделю.

— Старое на слом. Надо дать дорогу новому!

— А ты, Длинный, — крикнула Райка Па-

укова. — Продавай голубей, пока не поздно.

— Пакуйтесь! — в последний раз сказала бабушка Волк и направилась к первому подъезду, явно собираясь немедленно паковаться.

— Пойдем, погоняем напоследок, — печально сказал Длинный, и мы пошли во второй подъезд, откуда была лестница на чердак. Краем глаза я заметил, что Жилец из двадцать девятой квартиры направился к третьему подъезду, где и снимал комнату во втором этаже.

Мы вылезли на крышу, и голуби сразу зашевелились в шкафах, захлопали крыльями.

— Ну зачем сносить? — вздыхал Длинный, отмыкая замки. — Наш дом простоят еще сто лет...

Он отомкнул замок, висящий на гардеробе, и только стал открывать второй, на буфете, как снизу, со двора, послышался крик.

— Что еще такое? — сказал Длинный, заглядывая с крыши вниз, во двор.

Хоть и невысок наш дом — четыре этажа, а страшно другой раз глядеть с крыши вниз, двор кажется колодецем, на дне которого растет американский клен. Сейчас вокруг него бегали жильцы и размахивали руками.

— Все бегут в первый подъезд, — сказал Длинный. — Там что-то случилось. Надо узнать.

Мы быстро скатились во двор и побежали к первому подъезду. Там, на третьем этаже, собрались почти все жильцы. Они кричали и шептались, а тетя Таня, бледная как смерть, стояла у лифта и обмахивалась газетой. Я даже посмотрел, какая газета. Оказалось — «Вечерняя Москва».

— Что случилось? — крикнул Длинный. — Запускай лифт! Спаси человека!

— Надо звонить в «Лифтремонт»! Татьяна! Звони в «Лифтремонт»! Спаси человека!

— Да, да! — загалдели все. — Надо звонить в «Лифтремонт».

— Бегу звонить в «Лифтремонт»! — крикнул дядя Сюва, а Длинный ударил в стену вместо него.

— Бабушка Волк! — закричал он, прикинув к железной двери. — Вы живы или нет?

Все затихли, дожидаясь ответа.

В тишине, из каменной шахты послышался скрежет. Медленно, толчками, лифт вдруг пополз к третьему этажу. Вот он дополз до железной двери и остановился. Дверь открылась, и бабушка Волк вышла на лестничную площадку.

— Бабуля! — заорал Длинный. — Я уж хотел стены долбить!

Не говоря ни слова, бабушка Волк растолкала жильцов, направляясь к своей квартире. На пороге она обернулась и, поднявши палец, сказала:

— Пакуйтесь!

— Тьфу ты, — плюнула Райка Паукова. — У меня курица на газу.

Райка побежала домой, и вслед за нею потянулись другие жильцы. Длинный отправился на голубятню, а я хотел было зайти домой. Но

не успел я и подняться на второй этаж, как вдруг снова услышал какой-то крик. Я выскочил во двор и увидел, что все жильцы снова повывалялись в окна.

— Что такое? — крикнул дядя Сюва. — Кто кричал?

А лифтерша тетя Таня ответила из глубины двора:

— Голубей-то у Длинного по этой суматохе всех свистнули!

О ГОЛУБЯХ

И каких же только голубей не бывает на свете! Удивительно, сколько вывели люди разных голубиных пород: монахи, почтари, космачи, скандароны, чеграши, грачи, бородуны, астраханские камыши, воронежские жуки, трубачи-барabanщики.

Можно продолжать без конца и все равно кого-нибудь позабудешь, каких-нибудь венских носарей.

И это только домашние голуби. Диких, которых я-то люблю больше, тоже хватает. В наших лесах живут витютень, горлица, клинтух.

Клинтух — вот серьезное, строгое слово. В нем вроде бы и нет ничего голубиного. Но скажи — клинтух, — сразу видишь, как летит над лесом свободный стремительный голубь.

Клинтух — вот голубь, в котором больше всего, на мой взгляд, голубиного смысла. Ранней весной в сосновом бору слышится глухой ворчащий звук. Кажется, журчит самый могучий и нежный весенний ручей, но только летит он с вершины сосны. Это воркует клинтух.

Прекрасно оперенной стрелой взлетает он с сосновой ветви, коротко и властно взмахивает крыльями и клином уходит в небо.

В его крыльях серовато-солнечного цвета столько силы, что при случае он уйдет и от сокола.

И какой же никудышный полет у городских сизарей. Они только и слетают с крыши на тротуар, с тротуара на крышу.

Раз я видел, как стая сизарей перелетела с крыши на крышу. Один сизарь почему-то остался на старом месте, ожидая, видно, что остальные скоро вернуться. Однако они не возвращались, похаживали по крыше соседнего дома. Некоторое время сизарь сидел одиноко, но потом не вытерпел и полетел вслед за стаями, а тут вся стая поднялась и полетела обратно.

Стая и одинокий сизарь встретились в воздухе. Любой другой голубь — монах или почтовый — обязательно выкинул бы фигуру, закрутил бы в небе замысловатый крендель и примкнул бы к стае, а сизарю лень было разворачиваться, он лишь взял в сторону и опустился на то место, где только что сидела вся стая.

Клинтух — это высшее достижение голубиной породы. Сизарь — это падение, позор для всех голубей.

Клинтух и сизарь — это два полюса, а между ними все остальные домашние голуби — и

чеграши, и монахи. В их полете нет такой силы и такого смысла, как у клинтуха, но и нет такой бессмыслицы, как у сизаря.

Но встречаются среди домашних голубей удивительные невиданные летуны — турманы.

Вот летит над городом турман — ровно летит, чисто, спокойно. Вдруг он прикрывает крылья и раз — кувыркается через голову, потом в бок, в бок, через крыло, снова через голову. То, как подбитый, падает турман, то снова становится на прямое крыло. Турман плещется в воздухе, он кувыркается от радости, он летает от счастья летать.

Турман — это художник, это настоящий артист среди голубей.

Вот таким-то турманом был Великий Мона — гордость нашего дома, нашего переулка и всей Крестьянской заставы, голубь-монах, который жил у Длинного на голубятне. Четыре простых монаха жили в гардеробе, а Вели-

кий Мона имел свой отдельный шкаф — старинный резной буфет в стиле ампир.

Когда Длинный выпускал голубей — жильцы открывали окна, высовывались в форточки, а прохожие, которые хоть иногда смотрят в небо, останавливались, глядя, как носится в небе Мона — белокрылый живой фейерверк. А те прохожие, которые глядят обычно себе под ноги, те, конечно, не видели ничего.

ВИД НА ЗОНТИЧНЫЙ ПЕРЕУЛОК

На Длинного прямо смотреть не хотелось. Он метался по крыше и то распахивал дверцы гардероба, то шарил в буфете, то вдруг опускался на колени и, уткнувшись носом в кровельное железо, начинал изучать следы. Но никаких следов, кроме голубиных, не было пока видно.

Да и вообще, на первый взгляд, голубятня

казалась в полном порядке. Буфет и гардероб спокойно и величественно стояли на своих местах. Можно было даже подумать, что монахи сами открыли дверцы и отправились полетать. Но открыть дверцы они, конечно, никак не могли. Даже Великий Монах не смог бы устроить такую штуку. Кроме висячих замков, шкафы запирались еще и на крючки.

Кто-то поднялся на крышу и, пока бабушка Волк сидела в лифте, а мы, как дураки, толкались в подъезде, взял да и откинул крючки. Да, ловкий какой вор-то попался, быстро и успел все проделать, а уж Длинный-то берег своих голубей, по два висячих замка на шкафы навешивал, а теперь только несколько перьев валялось на крыше.

— След! — крикнул вдруг Длинный. — Смотри-ка, след!

На самом краешке крыши, у водосточной трубы, действительно что-то блестело.

— Вот она! — крикнул Длинный и поднял с крыши блестящий предмет.

Серебряная пуговица лежала у него на ладони, форменная пуговица, на которой шведский ключ перекрестился с молоточком.

— По-моему, это железнодорожная пуговица, — сказал Длинный. — Ключ и молоточек. Значит, вор — железнодорожник. Вот она — первая улика! С этой пуговицей я живо возьму вора в клещи! А Монаха дорогу домой сам найдет, сам прилетит.

— Еще бы! — подбадривал его я.

— Проклятый вор! — закричал вдруг Длинный. — Он у меня еще попляшет!

В волнении он забегал по крыше, заглядывая вниз, на улицу, как будто немедленно рассчитывал увидеть вора-железнодорожника и устроить ему хорошую пляску.

Сверху, с крыши, был виден весь наш переулок. И Красный был виден дом, и Серый дом, в котором «Прием посуды», и Дом у Крантика, рядом с которым из тротуара действительно торчал «крантик» — голубая колодезная колонка. Все наши жильцы питьевую воду брали из «крантика», а водопроводной мыли руки.

Конечно, в Москве много переулков, и у многих из них — странные названия. Например, Жевлюков, или Дурасовский, или Николо-Воробинский, в котором жил писатель Исаак Бабель. Но наш переулок всех перешиб. Он называется Зонтичный. Причем название это — условное. На нашем доме написано — ЗонтОчный, на Красном — ЗонтИчный, на Сером — ЗонтЕчный, а на Доме у Крантика — ЗонтЭчный. Так что по сравнению с нашим переулком даже Кривоколенный меркнет. Небось никто не напишет: КривоколЭнный.

Интересно сверху, с голубятни, смотреть на наш переулок. Вот стоит на тротуаре бабушка Волк, вот лифтерша тетя Таня набирает воду из «крантика», вот вышел из Красного дома Тимоха-голубятник.

— Стоп! — сказал вдруг Длинный. — Это — Тимоха! Тимоха-голубятник из Красного дома! Он украл голубей! И пуговица его!

Да, в нашем переулке Тимоха был самый отъявленный голубятник. У него и так было штук тридцать голубей, а ему хотелось, чтоб их становилось все больше и больше.

Бывало, как увидит голубя, весь дрожит и просо из кармана сыплет.

— Это он! — сказал Длинный. — И пуговица его! Ведь он же пэтэушник. А у них тоже такие пуговицы! Форменные!

Длинный бегал по краю крыши, как коршун заглядывал вниз, будто хотел кинуться и накрыть Тимоху.

— Это пэтэушная пуговица! — закричал он. — А ну-ка пойдем, поговорим.

И мы скатились по лестнице на двор, через подворотню выскочили на улицу и бегом стали догонять Тимоху.

— Куда это вы? — крикнула нам вдогонку бабушка Волк.

— Проклятый вор! — закричал Длинный. — Он у меня еще попляшет.

А я ничего не сказал, а про себя подумал:

— Еще бы.

ТИМОХА-ГОЛУБЯТНИК

— Да не брал я твоих голубей, Длинный, — закричал Тимоха, как только нас увидел. — И что это такое! Как только у кого крадут голубей — сразу думают на меня!

— Проклятый вор! — закричал Длинный. — Ты у меня еще попляшешь!

Я удивился, когда увидел, какой оборот вдруг приняло дело. Мне казалось, что Длинный должен начать разговор деликатно, немного издалека, а он сразу взял быка за рога.

— Да не брал я твоих голубей, Длинный. Я и в училище отличник, разве я стану красть?

Тогда Длинный подошел к Тимохе поближе и сказал:

— Не брал?

— Не брал я твоих голубей, Длинный, не брал.

— А отчего у тебя глаза бегают?

— От волнения, — сказал Тимоха. — И что это такое! Как только у кого крадут голубей — сразу ко мне. А я и в школе был отличник, и в училище. Ну зачем мне красть?

— И в школе, говоришь, отличник! А это что такое, гражданин? — и Длинный прямо под нос Тимохе сунул пэтэушную пуговицу.

— Да не знаю я, что это такое! — закричал Тимоха, глядя на пуговицу одним глазом.

— Не знаешь! А не у вас в пэтэу такие штуки на форме носят, а после оставляют на месте преступления?

— Ты что, Длинный. Да у нас вообще никакой формы нету. Ходим, как люди, в брюках и пальто.

— Как люди, говоришь! — закричал Длинный. — Проклятый вор! А отчего на тебе шапка горит?!

И тут я поглядел на Тимоху и увидел, что из-под шапки у него прямо дым валит и она вот-вот воспламенится.

— От волнения же! — сказал Тимоха. — Это пар, понимаешь, пар идет от волнения. А мы как люди ходим, Длинный, нет у нас таких пуговиц. Да ты сам подумай, Длинный, ну зачем мне твои голуби? Ну как бы я стал их гонять? Ведь Моську каждая собака знает.

— Ты давно уж к Моське приглядывался!

— На кой мне Моська, Длинный? У меня Тучерез не хуже Моськи.

— Тучерез не хуже Моськи? От Моськи у твоего Тучереза башка закружится. Барахло!

— Тучерез барахло? — сказал Тимоха, внезапно бледнея. — Моська твой — барахло! Длинный покраснел.

— Ну, пэтэушник! — закричал он. — Ты у меня сейчас попляшешь!

И Длинный уж подбоченился, становясь в позу, подходящую для пляски, как вдруг какой-то неизвестный человек вклинился между ним и Тимохой, оттер Длинного плечом и крикнул:

— А ну-ка спокойно! Разойдись! Сейчас милицию позову! Товарищ милиционер! Товарищ милиционер!

И Длинный отскочил, и Тимоха отодвинулся в сторону. Бледные и красные, они стояли поодаль друг от друга и тяжело дышали, неизвестный тихонько засмеялся и пошел своей дорогой.

Мы и не посмотрели ему вслед. И зря не посмотрели, потому что этот неизвестный никогда бы в жизни не позвал милиционера. Это и был — Похититель.

СЛЕДЫ В ПОДЪЕЗДЕ

Тетя Таня, тетя Паня и дядя Сюва сидели под американским кленом, играя в «козла».

— Дупель! — сказал дядя Сюва и ляпнул доминошиной.

— Ладно, ладно, — сказала тетя Паня. — Раздупелился.

— Рыба! — крикнула тетя Таня и крепко ударила костью по столу.

— Какая такая рыба? — прищурился дядя Сюва, разглядывая фигуру, выложенную на столе из косточек домино, действительно слегка похожую на черный рыбий скелет. — Какая такая рыба? Окунь или голавель?

— Эх, — сказала бабушка Волк ни к селу ни к городу. — Сейчас бы селедочки баночной.

— Зря я на Тимоху наклепал, — сказал Длинный.

— Еще бы, — ответил я.

— Тимоха здесь ни при чем. Тут замешан кто-то другой.

— Свой у своего красть не будет, — сказала тетя Паня. — Это кто-то чужой.

— Конечно, чужой, — сказал дядя Сюва. — Свой красть не будет. Вот я, например, ну зачем я буду у Длинного красть, ведь Длинный свой же парень. Ну у Тимохи или Петра Петровича с Абельмановки я бы еще, может, украл, а у Длинного — ни за что. Я его с пеленок нянчил.

— Я бы у Длинного тоже не стала красть, — поддержала тетя Паня. — Это кто-нибудь чужой. Только кто — вот вопрос.

— Как это кто! — сказала тетя Таня. — У нас в доме все свои, кроме одного.

— Кого?

— Кого, кого! Того дурака в плаще из двдцать девятой квартиры. Живет один, как сыч, в двух комнатах и платит за них такие деньги, какие нам не снились.

— Татьяна, — сказала бабушка Волк. — А кто ж ему готовит первое и второе?

— Да никто ему не готовит! Кому он нужен!

— А деньги откуда берет?

— Откуда, откуда, — ответила тетя Таня. — Хватит.

— Постойте! — закричала тетя Паня. — Я ведь видела. Вчера он лазил на крышу и крутился возле голубятни.

— Крутился?

— Крутился, крутился! Что-то вынюхивал около шкафов.

— Вынюхивал? — сказал Длинный. — Что же он вынюхивал? А ну пойдем поглядим на этого нюхаря.

— Валяйте, валяйте, — сказала тетя Таня. — Настала пора вывести кое-кого на чистую воду.

Длинный кивнул мне и решительно направился к третьему подъезду. Он явно торопился. Мне казалось, что нельзя так сразу в лоб браться за дело. Надо бы разузнать, разведать, что к чему, но Длинный уж вошел в подъезд и сразу стал рассматривать следы.

На каменных лестничных ступеньках за долгие годы накопилось так много следов, что ступеньки просели, протерлись, покривились под их тяжестью. Кроме следов, повсюду валялись улики: окурки, пробки, корки апельсина, старые трамвайные билеты. Но самые заметные следы были, конечно, на стене. Белые рожи и темные личности были нарисованы там мелом и углем, а надписи разукрасили стену до самого потолка.

Мы поднялись во второй этаж и остановились у двери, на которой были выведены цифры «29», и стали ее осматривать. Ничего, конечно, особенного мы заметить не могли. Дерматиновая обивка местами разорвалась, из дыр высывалась пакля махорочного цвета. Рядом с дверью торчал из стены небольшой пропеллер, вокруг которого по бронзовой пластинке вилась надпись: «Прошу крутить».

Это и был звонок в квартиру. Под ним висела бумажная табличка: «Николай Эхо. Звонить 1 раз».

— Только приехал, а уж табличку повесил, — пробурчал Длинный и уж хотел крутануть звонок, но вдруг отдернул руку. Я внимательно посмотрел на звонок, а надо было смотреть не на звонок, а на пол.

На полу, у самой двери, лежало голубиное перо.

СОН ЖИЛЬЦА

Жилец из двадцать девятой квартиры в этот момент прямо в брюках лежал на кровати. И спал, и ему снился удивительный сон.

Как будто он идет по переулку, а навстречу ему идет Райка Паукова и несет на животе целый ящик мороженого.

— Рая, я хочу мороженого, — говорит ей будто бы Жилец.

А Райка отвечает:

— Уважаемый Жилец, кушайте крем-брюле. И вот он будто бы начинает есть крем-брюле, а Райка говорит:

— Уважаемый Жилец, а кто вам готовит первое и второе?

А Жилец отвечает:

— Никто. Я — один на этом свете.

А Райка говорит:

— Да заходите же вы ко мне, у меня курица на газу.

А Жилец вроде мороженое слопал и говорит:

— Я только об этом и мечтаю.

И Райка Паукова только открыла рот, чтоб сказать Жильцу еще что-нибудь приятное, но тут он проснулся — за дверью кто-то сильно «прошу крутил».

Жилец поднялся, протер глаза боржомом, накинул пиджак и, приоткрыв парадную дверь, вздрогнул от удивления, но тут же улыбнулся и сказал:

— А, музыканты, прошу пожалуйста. Можете заходить.

— А чего нам заходить, — мрачно сказал Длинный. — Нам заходить нечего.

— Вот тебе раз, — сказал Жилец. — Да заходите же, раз пришли.

— А чего нам заходить, — повторил Длинный, проходя в комнату. — Нам заходить нечего.

— Вот видите, — сказал Жилец. — Живу монах монахом. Один как перст.

— Монахом? — спросил Длинный.

— Да, — подтвердил Жилец. — Монах монахом.

— Как же это?

— А так. Один в двухкомнатной квартире и во всем мире. Так что близкого существа не имею. А ты один живешь или нет?

— Я? — удивился Длинный.

— Ты, — подтвердил Жилец.

— Не один я. Вон Юрка — брат, да мама с папой.

— Ерунда все это, — оборвал его Жилец. — Мираж. На самом деле и ты один-одинешенек.

— Как это так! — вспыхнул Длинный. — У меня и мать, и отец, да в школе приятели, в голубином клубе, да вон Юрка-брат.

— И Юрка-брат, и мать, и отец, а все равно один ты на этом свете. Понимает ли тебя кто-нибудь?

— Да вон Юрка-то брат, — сказал Длинный, показывая на меня. — Юрка-то брат понимает. Чего ж ему не понять?

— До глубины души понимает он тебя, Юрка-то брат? — допытывался Жилец.

— А чего ж ему не понять? — удивлялся Длинный.

Я ему головой киваю: еще бы, дескать.

— Нет, милый, — сказал Жилец. — Не понимает он тебя, и никому тебя не понять — не только Юрке-брату.

Я и вправду ничего не понимал, а только глядел на Жильца.

Но тут Длинный, которого никто не понимает, прищурился, подошел вдруг поближе к Жильцу и сказал:

— Где монахи?

— Какие монахи?

— Те, которых вы увели.

— Я? Монахов? — вскипел неожиданно Жилец. — Что вы дурака валяете? Подите к черту вместе с монахами и Юркой-братом.

— А это что такое, гражданин? — сказал тогда Длинный и поднес к самому носу Жильца голубиное перо.

Жилец слегка побледнел, взял в руки перо, дунул на него и сказал:

— Ах это! Ну что ж — виноват.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПОДУШЕК

— Виноват, — сказал Жилец, вздохнул и сел в глубокое кресло.

— Где же они у вас? — спросил Длинный, с ненавистью глядя Жильцу прямо в глаза.

— Сейчас-сейчас, — ответил Жилец. — Они под кроватью.

Тут Длинный упал на колени и заглянул под кровать.

— Что такое? — сказал он. — Здесь ничего нету.

— Как нету? — удивился Жилец, нырнул под кровать и вытащил оттуда плоский деревянный чемоданчик.

— Неуж здесь?

— Ага, — кивнул Жилец. — Вы уж меня простите великодушно.

Он нажал большим пальцем серебряный замок, и крышка чемоданчика открылась.

— Сожрал! — закричал вдруг Длинный. — Всех сожрал, окаянный!

В чемоданчике лежал ворох сизых, белых и коричневых разноцветных перьев.

— Всех монахов сожрал! — повторил Длинный, и слеза уж покатила было по его лицу, но тут Жилец сказал:

— Что это вы городите? Не ел я никаких монахов.

— Слопал, слопал, — твердил Длинный. — Сожрал. По глазам вижу.

— Позвольте, — сказал Жилец, раздражаясь. — Я не ел никаких монахов.

— А это что?

— Перья. И вообще попрошу вас не орать и разговаривать со мной на «вы», а не то живо отсюда вылетите.

— Всех монахов сожрал, — в отчаянии повторил Длинный. — А из перьев хочет подушку сделать!

— Подушку? — изумился Жилец, широко раскрыв свои голубые, оказывается, глаза.

— А что ж еще, — сказал Длинный. — Конечно, подушку.

— Подушку, — повторил Жилец с недоумением и затаенной болью.

Слова Длинного поразили его, ударили, он сморщился, задумался, устало потер лоб.

— Что ж, — сказал он, горько усмехнувшись. — Наверно, и вправду надо бы сделать подушку. Кому все это нужно? Зачем?

Он рассеянно прошелся по комнате, придвинул стул к шкафу, обреченно взгромоздился на него.

— Да, надо сделать подушку. Вы правы, ребята.

Вздохнув, Жилец достал со шкафа четырехугольный коричневый предмет, и вправду похожий на подушку, рукавом обтер с него пыль и вдруг кинул сверху прямо на стол. От тяжкого удара стол ухнул и присел.

— Вот, — сказал Жилец. — Таких подушек у меня четырнадцать штук.

Перед нами на столе лежал увесистый и пухлый, в кожу оплетенный альбом. На обложке его золотом было вытиснено:

*Перья птиц всего земного шара
Собрал Николай Эхо
Москва*

Длинный протянул было к альбому руку, но тут же отдернул ее:

— Что это?

Жилец печально усмехнулся, раскрыл альбом, и перед нами развернулся веер никогда не виданных перьев. Тут были перья перепелок и кекликов, удонов и ударов, сарычей и орлов. Каждое перышко имело свой собственный карманчик, а на карманчиках были надписи вроде — «рулевые балабана» или «первостепенные маховые буланого козодоя».

— Птицы летают и роняют перья, — печально говорил Жилец, открывая страницу за страницей. — А я хожу и собираю их, потому что каждое перо — это письмо птицы на землю. Вот посмотрите — перо вальдшнепа. На вид скромное, но какой цвет, какое благородство...

— А там что, в чемоданчике?

— Ничего особенного, — махнул рукой Жилец. — В основном — сойка, свиристель. Неразобранная часть коллекции. Маховые перья вашего монаха. Вчера подобрал у голубятни. Длинный побелел.

— Какой цвет, какое благородство, — бубнил он и пятился к двери. — Вы это... вы уж это... Простите уж...

— Еще бы, — смущался я.

— Да ладно, чего там, — говорил Жилец, закрывая за нами дверь. — Заходите еще, о жизни потолкуем, на перья поглядим.

— Еще бы, еще бы, — твердил я, глядя на закрывающуюся дверь.

ПОЯВЛЕНИЕ ГРАЖДАНИНА НИКИФОРОВА

В переулке фонарей еще не зажгли. Су-мрачно было во дворах и темно в подворотнях.

К вечеру многие жильцы вышли на улицу поболтать, подышать воздухом, и вдаль по всему переулку до самой Крестьянской заставы, по двое, по трое, кучками они торчали у ворот и подъездов. У нашего дома собралась даже небольшая толпа. Издали я заметил Райку Паукову, бабушку Волк, с ними стояли знакомые и незнакомые люди из соседних домов и пришлый народ, из Жевлюкова переулка.

Из толпы доносились во двор обрывки слов и разговоров:

— И что ж, их прямо в рясе повели?

— Денег полный чемодан...

— Да разве ж они залезут в корзинку?

— Тьфу! — плюнул Длинный. — Болтают не зная чего. Эх, Моньку жалко, вот кого.

Сраженный коллекцией перьев, Длинный немного увял, устало сел на лавочку под американским кленом.

— Монахов-то я и новых могу завести, а вот такого, как Моня, — на свете больше нет.

У ворот между тем началась какая-то возня, толкотня, народу там еще прибавилось, слышались крики: «Нет, стой! погоди!»

— Длинный! Где Длинный? — крикнул вдруг кто-то. — Длинный, давай сюда!

Мы выбежали за ворота и увидели дикую, неприятную картину.

— Попался! — кричала бабушка Волк и крепко за руку держала какого-то гражданина, и что было совсем нелепо, так это сельскохозяйственные грабли, которые были у него в руке.

— Кто вы такой? — приставал с другого бока дядя Сюва. — Кто вы такой, гражданин? Что это вы тут ходите вынюхиваете?

— Я — Никифоров, — робко отвечал гражданин, пытаясь освободиться. — Иду, ни к кому не прикасаюсь, и вдруг — попался.

— Теперь тебе, милый, не отвертеться.

— Не отвертеться, — соглашался гражданин Никифоров. — Теперь-то уж мне не отвертеться. Попался я наконец.

— Попался, попался, — подтвердила бабушка Волк и толкнула локтем гражданина Никифорова. — Ходит здесь, вынюхивает, где что плохо лежит.

Тут бабушка Волк нарочно носом показала, как именно вынюхивает гражданин Никифоров, и получилось, действительно, некрасиво.

— Где голуби? — спросил дядя Сюва.

— Какие голуби?

— Сам знаешь какие!

— Не знаю я никаких голубей, — заупрямился вдруг поклявшийся в общем-то гражданин Никифоров. — Надо же мне было зайти

в этот переулок. По всем улицам ходил — не попадался, а тут сразу — попался!

— Ты нам зубы не заговаривай! — сказала бабушка Волк. — Залез на крышу, грабли свои выставил и — нету голубей.

— Ничего подобного, — снова заупрямился гражданин Никифоров. — Не выставлял я грабли.

— Выставлял, выставлял. Я сама видела. Залез на крышу и давай грабли выставять!

— Да к чему бы мне их выставлять?

— Под антенну маскировался, — сказала бабушка Волк и уж размахнулась, чтоб врезать гражданину хорошего леща, но тут Длинный мягко сказал:

— Бабуля.

— Что еще такое? — недовольно обернулась бабушка Волк.

— Бабуля, — мягко повторил Длинный. — Вы же не видели, как он на крышу лазил. Вы же в лифте сидели.

— А может, у меня бинокль был! — задиристо сказала бабушка Волк, но тут же и замолчала, потому что при чем же здесь бинокль.

— При чем здесь бинокль? — сказал гражданин Никифоров. — Вы, мадам, что-то перепутали. Ну, я пошел.

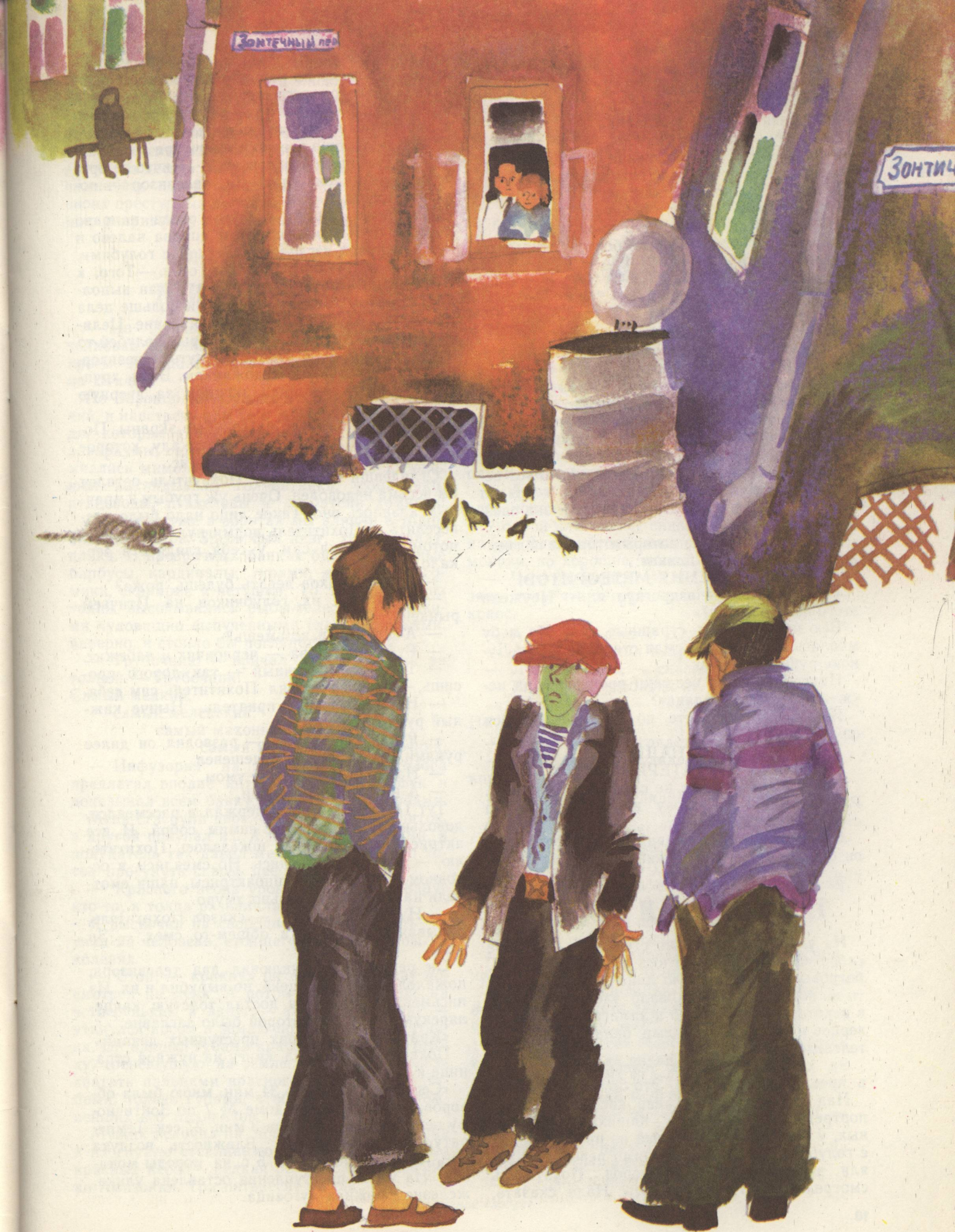
Он повернулся к нам спиной, отошел два шага, потом оглянулся, вздрогнул и вдруг бросился со всех ног по переулку. Через секунду не было уж нигде видно гражданина Никифорова, и след его простыл. Я даже нарочно пощупал рукою след — да, простыл.

БЕГСТВО И СТРАХ ГРАЖДАНИНА НИКИФОРОВА

Гражданин Никифоров бежал по Крестьянской заставе, и грабли, вытянувшись, летели за ним.

— И зачем я пошел в этот проклятый переулок, — думал на бегу гражданин. — Только зашел — сразу попался. Ну и страшные дела! Страшный какой переулок!

Нет, гражданин Никифоров не крал голу-

бей, но было у него на совести одно дело, было дело, было на совести. Когда бабушка Волк пристально посмотрела на него, страх сразу просочился в грудь гражданина.

— А ну-ка постой, голубок. А не замешан ли ты в этом деле? — сказала старушка, и тут не то что страх — ужас охватил гражданина. Он мигом представил, как его тащат в милицию, сажают в тюрьму и отбирают грабли.

Просто удивительно, чего иной раз боятся люди. Есть люди, которые боятся открывать консервные банки.

Звонить по телефону.

Купаться.

Петь песни.

Ездить на лифте.

Есть люди, которые боятся насаживать червя на рыболовный крючок.

Боятся, что кукушка им мало накукует.

И даже боятся падения метеоритов!

Как-то вечером, когда в небе зажглись уже звезды, я гулял у Крутицкого теремка. Рядом строился новый дом, повсюду были навалены огромные катушки, трубы и кирпичи. В тот вечер было много падающих звезд, и я глядел в небо, загадывая разные желания, пока звезда не погаснет.

Вдруг на заборе, за которым торчал подъемный кран, я увидел плакат:

БОЙСЯ ПАДЕНИЯ МЕТЕОРИТОВ!

«Как же так! — вздрогнул я. — Неужели этого надо бояться?»

Всю ночь видел я страшные сны. По небу мчались метеориты. Земля сталкивалась с Луной, рушились дома.

Наутро я решил все-таки проверить: да неужели есть такой плакат?

Плакат был на месте, но днем он читался по-другому:

**БОЙСЯ ПАДЕНИЯ
СТРОЙМАТЕРИАЛОВ!**

Такой вариант тоже не слишком устраивал. Раньше мне и в голову не приходило, что стройматериалы падают.

Страшно было гражданину Никифорову, и он бежал, и грабли, вытянувшись, летели за ним.

ТЕЛЕВИЗОРЫ И МОНАХИ

На улице окончательно стемнело. Огненное слово «ПОБЕДА» зажглось над кинотеатром, багровым огнем озарило лица прохожих, почти во всех окнах вспыхивало электричество, а в некоторых вздрогнуло и замигало что-то неверное и голубое. За этими окнами смотрели телевизоры.

За одним из таких телевизионных окон в кресле сидел человек. Это был Похититель.

Над головою его на стене висели двадцать портретов киноактрис, и наших, и зарубежных, у ног стоял сплетенный из прутьев садок с голубями-монахами, а прямо перед ним сияли экраны трех телевизоров. Похититель смотрел сразу три программы. Надо сказать,

что в этот вечер по первой программе передавали «Артлото», по второй — «Спортлото», а по четвертой — «А ну-ка, девушки!». Третью же программу Похититель не смотрел никогда.

— Как хорошо все-таки иметь три телевизора, — размышлял Похититель. — Ничто не проходит мимо твоих глаз. Да, телевизор — полезная штука.

Похититель повел глазами слева направо по всем трем экранам, потом справа налево и тут наткнулся взглядом на садок с голубями.

— Ну вот, — сказал он сам себе. — Того, к чему давно стремился, — достиг. План выполнил. На этом точка. С голубями больше дела не имею. Голуби — отжившее явление. Целиком переключаюсь на телевизоры. Голубей-то воровать просто, а чтоб свистнуть телевизор, надо быть немножко художником. Вещь хрупкая, громоздкая, задел экраном за дверную ручку — хана.

Посмотрев немного на голубые экраны, Похититель встал и подошел к зеркалу, которое висело среди портретов киноактрис.

Оглядевши свое лицо, Похититель остался им весьма недоволен. Очень уж грубым и мрачным казалось оно. Такое лицо надо было развеселить, и Похититель подмигнул сам себе, а потом и спросил сам у себя, глядясь в зеркало:

— Куда монахов девать будешь, рожа?

— А загоню их, голубчиков, на Птичьем рынке!

— А дорого ли возьмешь?

— Рублика по два — червончик и набжит.

— Такой симпатичный — так дорого прошишь, — ласково укорял Похититель сам себя.

— Не продешеви, приятель. Нынче каждый рубль в почете.

— Рубль-то в почете, — разводил он далее руками. — Да голубь подешевел.

— Надобно торговать с умом.

— А на то мне и ум дан.

Тут Похититель не выдержал и рассмеялся, довольный разговором с самим собой. И все актрисы на стенках — показались Похитителю — тоже позасмеялись. Но смеялись, в основном, зарубежные киноактрисы, наши смотрели на это дело довольно хмуро.

— Ну ладно, хватит, — сказал Похититель, обрывая неуместный в общем-то смех. — За дело.

Он решительно выключил два телевизора, пожалел было «девушек», но вырубил и их. Из письменного стола он достал толстую канцелярскую книгу, на которой было заглавие:

«Краткая опись моих преступных деяний»

Похититель раскрыл книгу на нужной странице и записал:

«Сегодня в 18 часов 34 мин. мною была обворована голубятня в доме № 7 по Зонтичному пер. Операция заняла 3 мин. 27 сек. Температура +19 градусов. Влажность воздуха 89%. В итоге похищено 5 г. из породы монахов. На месте преступления оставлена улика, железнодорожная пуговица.

Таким образом, на сегодняшний день в Москве и Московской области мною безнаказано похищено 250 голубей. План выполнен. На этом похищения голубей прекращено, целиком переключаюсь на телевизоры».

Похититель поставил точку. Когда-нибудь, лет через десять, Похититель мечтал раскаяться, начать новую жизнь и написать книгу о своих преступных делах, и у него давно уж вошло в привычку подводить итоги дня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПТИЧИЙ РЫНОК

— На Птичьем, конечно, на Птичьем, — толковал Длинный. — Мы его там сразу нароем. А куда ему девать монахов? Понесет на Птичий.

По Воронцовской улице мы бежали на Птичий, и навстречу нам то и дело попадались люди, которые тащили клетки с канарейками, аквариумы, садки с голубями. Один за другим мчались мимо нас микроавтобусы, из их окошек выглядывали голубятники, собачники, птицеводы, птицеловы и любители хомяков.

На рынке уже в воротах мы влипли в толпу аквариумистов. Здесь был лязг, хруст, гвалт, давка. В прозрачных банках бились огненные барбусы, кардиналы, гурами, микроподы, сомики, скалярии и пегушки. То там то сям из толпы высовывались рыбы-телескопы с такими чудовищно выпученными глазами, какими, наверно, и стоило бы поглядеть на Луну.

— Трубочник! — кричал кто-то где-то за толпой. — Трубочник!

Самый мелкий,

самый меленький,

самый махонький,

самый мельчайший трубочник.

— Инфузория на банане! — вполголоса предлагал вполне интеллигентный человек и показывал всем банку, забитую инфузориями.

Меня стиснули двое. Один продавал улиток, а другой покупал их. Я встрял между ними, и покупатель так давил меня в спину, будто хотел просунуть сквозь нее рубль.

— Красного неона уронил! — заорал вдруг кто-то, и толпа развалилась.

Я выскочил на свободное место и чуть не упал на человека, стоящего посреди толпы на коленях.

— Стой! — крикнул он и яростно снизу посмотрел на меня. А потом быстро пополз на четвереньках и вдруг — ах, черт побери! — уткнулся носом в землю прямо у моего ботинка. Он накрыл губами красную и золотую рыбку, трепещущую на земле. Да ведь и нельзя хватать пальцами красного неона, только губами, только губами, чтоб не повредить нежнейших его плавников.

Мужик вскочил на ноги и выплюнул неона в изогнутую стеклянную колбу. Да, это был красный неон — редкая рыбка с притоков реки Амазонки. Три пятьдесят штука.

А в голубиных рядах и народу и голубей было полно. Голуби — носатые, хохлатые, ленточные, фильдеперсовые, палевые, жарые, чистые — трепыхались в садках, плетенках, корзинках, вольерах, за пазухами и в руках у продавцов и покупателей. Здесь уже трудно было разобрать, кто продавец, кто покупатель, потому что не было человека без товара в руках. Десять, двадцать, пятьдесят, сто монахов хлопали крыльями, клевали коноплю, переходили из рук в руки.

— Здорово, Длинный! — заорал какой-то парень и под нос Длинному сунул кулак, в котором был зажат голубь. — Хочешь черно-чистого?

— Длинный пришел! Монахов своих ищет!

— Моньку у него украли!

— Когда?

— Вчера?

— Моньку-то моего никто не видал? — спрашивал поминутно Длинный.

— Пара рубликов! Пара рубликов! — тянул меня за рукав пожилой голубятник. — Бери, пацан, не прогадаешь!

— А вот — понятые! Кому понятые? Без слов понимают. С понятием!

У одной клетки, где сидели как раз пять монахов, Длинный остановился. Это были не те монахи, но хорошие, молодые, ладные.

— Чего уставился? — сказал Длинному хозяин, голубятник-грубиян по прозвищу Широконос.

— А чего? — сказал Длинный.

— А то, — ответил Широконос.

— Ладно, ладно, — сказал Длинный.

— Еще бы, — добавил я.

— Гуляй, гуляй, — сказал Широконос. — Не твои монахи.

— Подумаешь. Поглядеть нельзя.

— На пуп себе погляди, — сгрубил Широконос.

— Чего? Куда погляди?

— Куда слышал!

— Нет, ты повтори!

— Иди, иди, не твои монахи!

— То-то! — сказал Длинный.

Мы отошли было в сторону, но Широконос сказал вдогонку:

— Дурак ты — и все.

Длинный побагровел.

— Кто дурак? Я дурак? — сказал он и, прищурясь, подскочил к Широконосу.

— Моньку прошляпил — дурак. На Птичьем ищешь — опять дурак.

— Это почему же?

— Кто ж понесет Моньку на Птичий? Здесь его каждая собака знает.

— Куда ж тогда нести?

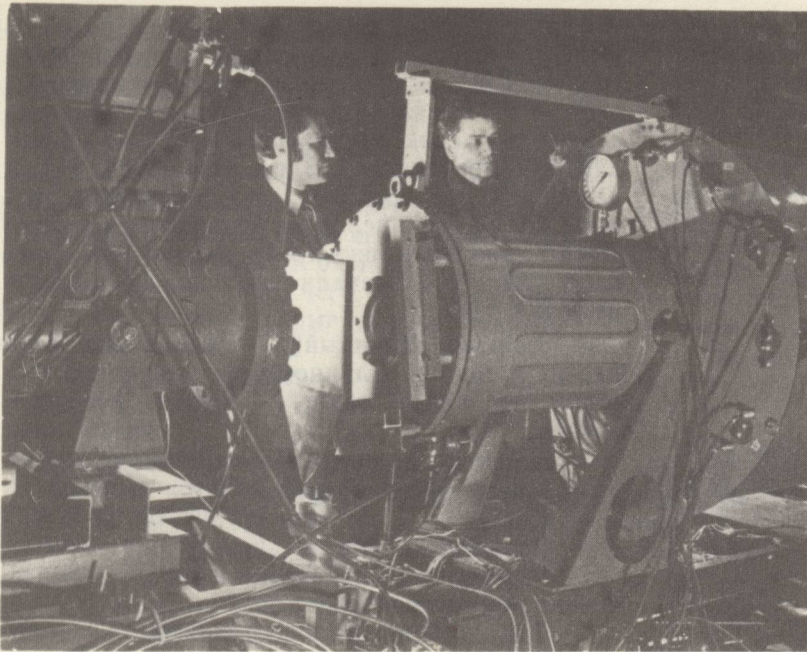
— Сам подумай мозгами.

— Куда? — совсем растерялся Длинный. — Не пойму куда.

Широконос презрительно посмотрел на Длинного и сплюнул:

— В город Карманов.

Продолжение следует

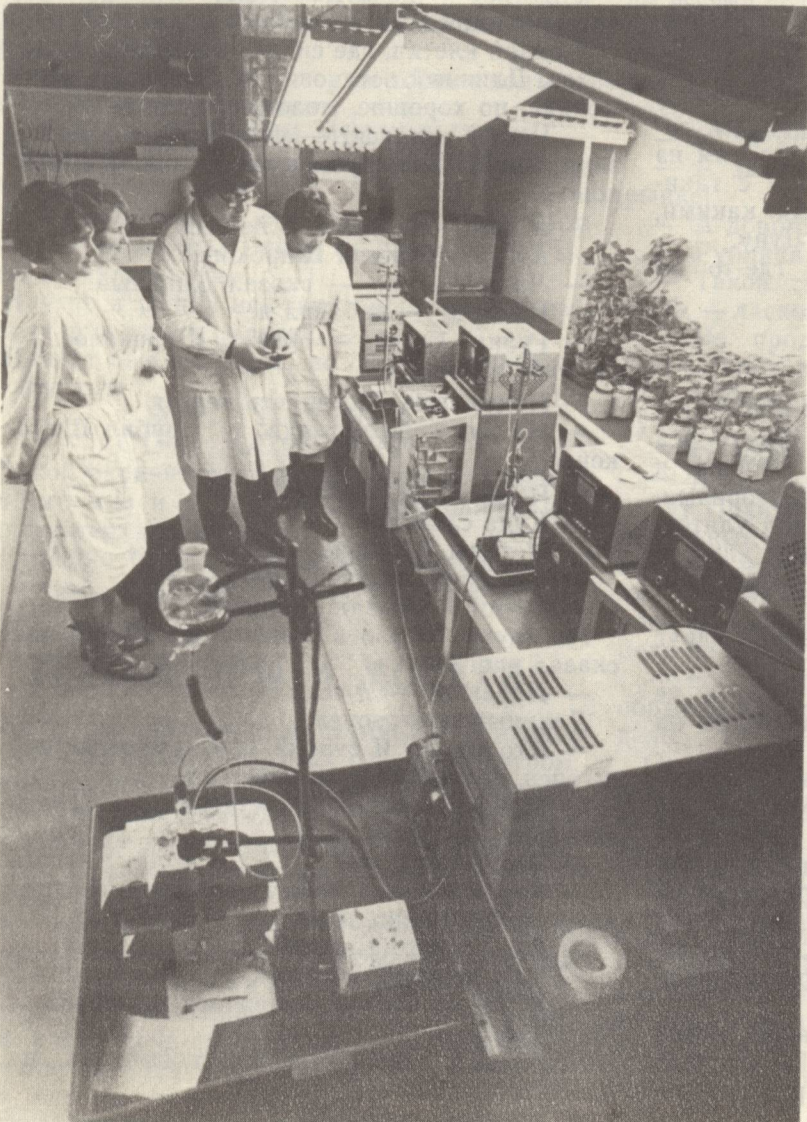
ДЖИН В РАБОЧЕЙ СПЕЦОВКЕ

Снимки, которые ты видишь, мы получили из разных уголков нашей страны.

...Ленинград. Балтийский судостроительный завод. Только что со стапелей спущен новый атомный ледокол — «Сибирь».

...Москва. Сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева. Здесь, на кафедре прикладной атомной физики и радиохимии специалисты сельского хозяйства знакомятся с достижениями атомной науки и техники, которые помогут труженикам полей повысить урожаи и улучшить качество продукции.

...Украинская ССР. Строительство Чернобыльской атомной электростанции. С каждым днем все четче проступают контуры главного корпуса...

...Московская область. Серпуховский ядерный ускоритель. Ученые наблюдают за работой новой экспериментальной установки.

...Карское море. За кормой атомохода «Арктика» разбитые ледяные поля и караван судов с грузами для жителей Заполярья.

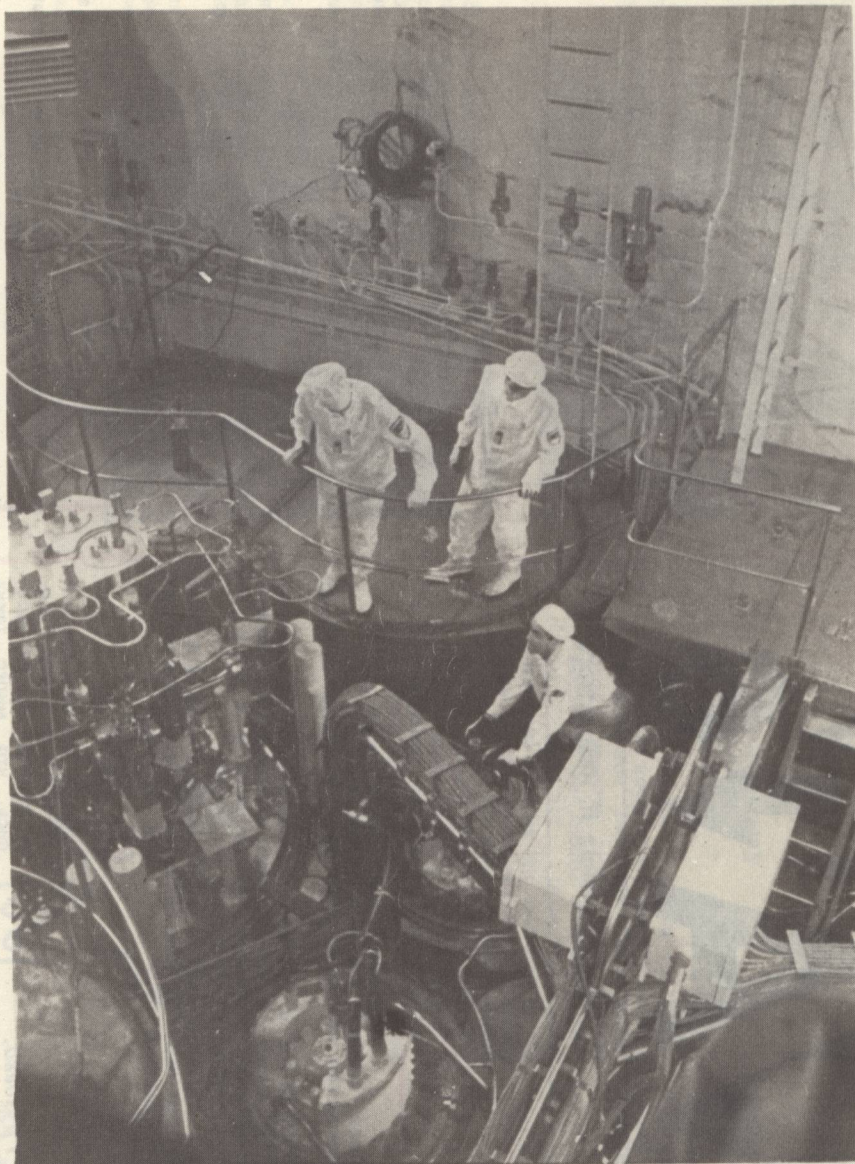
Почему полученные из разных мест снимки напечатаны рядом, плечо к плечу, на одних и тех же страницах?

Они показывают приметы времени. Времени, в котором мы живем! Мне кажется, это и есть самое главное, что их объединяет.

Но почему, читая о приключениях волшебного джина Хоттабыча, мы удивляемся на каждой странице сказки? А сообщения радио и газет о вещах реальных и более удивительных нас не удивляют? Ну, например, о том, что атомная энергия уже умеет варить суп и плавить сталь, делать игрушки и обогревать квартиры, приводить в движение поезда и ледоколы!

Да, не удивляют, и это тоже примета времени. А не удивляемся мы потому, что с детства раз и навсегда поверили в безграничную силу ума и рук нашего советского человека.

Фотохроника ТАСС

НАРАБАТ

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ

Оформление Л. Каминского

С пионерского лето началось!

Пора походов по родному краю, работы на полях совхоза, встреч с новыми друзьями. О работе в пришкольном саду, помощи родному селу, шефстве над малышами рассказывают сегодня ваши ровесники, юнкоры "Барабана".

Каждое лето десятки тысяч пионерских активистов собираются в "Артек" и "Орленке", в пионерлагере "Молодая гвардия" на Украине и в белорусском "Зубренке", в загородных и городских пионерских лагерях. В задушевных беседах у костров, в соревнованиях, на прессконференциях, а то и просто в разговорах друг с другом переживают они лучший опыт, приобретают навыки и умения.

Кто чему научился, кто что узнал, с кем подружился за лето — все это поможет в новом учебном году сделать жизнь пионерских отрядов и дружин еще интереснее и увлекательней. Марш пионерских отрядов продолжается, не теряя зря времени, пионерский активист!

Э сли вы придете к нам в село, то увидите аллеи, которые посадили ребята. А при школе есть ботанический сад. Растут в нем айва японская, амурский барбарис, курльский чай, венгерские вязы...

В этом году мы решили превратить нашу деревню в цветник! Высадили весной на улицах тысячи цветов, кустов и деревьев. В год 60-летия Октября надеемся снять первый урожай!

Света Черныш,
староста товарищества
«Юный тимирязевец»,
Белорусская ССР,
Боровлянская средняя школа

О сенью приходим в школу, отремонтированную старшеклассниками. У каждого есть летняя трудовая книжка, в ней ведутся записи, кто сколько успел за лето...

А кончим работу — бежим купаться. Речка у нас что надо!

Оля Груздева,
Усть-Камеугогорск

Б ез ребят не обойтись! — так председатель колхоза Николай Александрович на сборе сказал.

Каждый пионер к колхозу вместе тружусь. Смазка комбайна, загрузка бункеров — моя работа. Колхоз нас ценит и уважает. Все мальчишки нашего класса работают прицепщиками и помощниками комбайнеров.

Павел Тихонов,
Татарская АССР, Тетюшский район,
колхоз «Память Ильича»

На ферме совхоза
«Детскосельский»
Ленинградской области

Л

етом в деревне каждый взрослый на счету. Работы много! Мы разобрались, что много таких дел, которые нам по силам. Мальчишки могут

все лето пасти коров и коней. Мы, девочки, на току можем работать!

Света Нечаева,
Ульяновская обл.,
колхоз «Знания»

Концерт в школе

ТВОИ ПАРУБЕЖИЙ РОВЕСНИК

Финские ребята очень дорожат дружбой с советской страной. Каждая пионерская дружина (что-то вроде нашего пионерского отряда, человек двадцать—тридцать) бережно хранит пионерские галстуки советских ребят, русские сувениры, открытки. Каждого советского человека встречают как дорогого гостя.

Но жизнь финских пионеров очень непростая. Вот что рассказывает недавно побывавший в Финляндии заведующий отделом Ленинградского Дворца пионеров им. Жданова Геннадий Соколенко:

— Ребят в красных галстуках и зеленых рубашках часто можно встретить на улицах финских городов. Нередко они продают какие-нибудь свои поделки...

Мы сначала никак не могли понять: зачем они это делают? Оказывается, таким образом они собирают средства для своей пионерской организации.

Концерт в школе

Шестиклассники из школы № 59 города Кирова высказали свое мнение о том, каким должен быть пионерский активист.

Ана Разанцева: Пионерский активист не обязательно должен быть отличником. Он должен зажечь ребят своими идеями, как искра зажигает костер. А то некоторые день и ночь торчат в пионерской и уже считают себя активистами.

Люба Овечкина: Я на сборе двумя руками голосовала за Иру Якову. Но выбрали Андрея Шалаева за то, что хорошо учится. И что получилась? Ему скажут: «Андрей, надо стэнд оформлять!» Он в ответ: «Мне на тренировку...» Если увидит, что мальчишки курят, нет чтобы предупредить — мимо проходит и улыбается.

Саша Береснев: Все знают, я только считаюсь звеньевым, но ничего у меня не получается. А ребята каждый год все равно выбирают. Наверное, им хорошо, что их никто не тревожит?

Таня Колесникова: В активе нужны честные, интересные и веселые люди. И не такие, которые только о своих пятерках и думают.

ВОКРУГ БОЛЬШОГО БАРАБАНА

Марина Юданова: Некоторые девочки считают: мальчишки — это отстойный элемент и ничего не могут делать одни. Я считаю наоборот. В нашем классе есть Витя Хомяков. Он озорной, но характер у него хороший. Если попросить сделать что-нибудь, никогда не откажет.

Таня Колпащикова: Выбирать в актив, конечно, лучше мальчишка. И что-бы он не пропускать уроков и не опаздывал. У кого нет дисциплины, тот не может организовать товарищей...

Лена Фетищева: Пионерский активист должен быть добрым, отзывчивым и никогда не зазнаваться.

Ира Кассина: Я бы не хотела, чтобы председатель делил всех ребят на плохих и хороших, потому что весь отряд для него должен быть родным, близким...

В школе № 59 побывал наш корреспондент М. Валентинюс

НАЧИНАЕМ РАЗГОВОР О ВНИМАНИИ ДРУГ К ДРУГУ
НАПИШИТЕ НАМ, КАК ПОСТУПАЕТЕ ВЫ, КОГДА ВАШ ТОВАРИЩ НУЖДАЕТСЯ НЕ В КОНКРЕТНОЙ ПОМОЩИ — ПО АЛГЕВРЕ ИЛИ ЗООЛОГИИ, А В ДРУЖЕСКОМ ВНИМАНИИ? ИТАК, ЧТО ТАКОЕ ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ ДРУГ К ДРУГУ? ЖДЕМ ВАШИХ РАССКАЗОВ И ЗАМЕТКИ!

На волейбольной площадке до вечера полным ходом идет игра. Слышатся крики, свист. А я не могу принять участия!

...Раньше я жил в другом селе. Там меня не принимали играть, потому что я был мал. Теперь мы переехали в другое место. И в здешней школе меня не берут играть, говорят — не умеешь! Да я и сам не прошусь — боюсь подвести какую-нибудь команду. Я стараюсь не мешать ребятам, сижу в сторонке.

А ребятам в голову не приходит помочь мне. Когда человек плохо учится, все начинают волноваться. А если человек в волейбол играть не умеет, это вроде бы неважно.

Зияудин Г.,
шестиклассник,
Дагестанская АССР

Нашему советскому мальчишке или девочке в голову не придет, что за помещенье, где они проводят сбор, нужно платить, что землю под пионерский лагерь нужно арендовать...

В городе Турку, побратиме Ленинграда, мы видели что-то вроде пионерского клуба. Это пионервожатая отдала одну маленькую комнату в своей квартире ребятам.

Всему учат ребят вожатые — простые рабочие парни и девчата, молодые коммунисты. А вот постоянного помещения, где бы они могли заниматься, как правило, нет. Нет у организации и средств, чтобы пригласить спортивных тренеров, руководителей кружков.

Финские пионеры каждое лето выезжают в пионерские лагеря. Эти палаточные лагеря напоминают те, что были у нас в двадцатые годы: полное самообслуживание, совсем мало взрослых.

В Финляндии немало различных детских организаций, но ДСПФ — демократический Союз пионеров Финляндии — самая боевая. Ведь большинство финских пионеров — дети рабочих.

Подарки финским пионерам

На пионерском празднике в городе Турку

ЛЕТО — пора походов

КТО УМЕЕТ СТАВИТЬ ПАЛАТКИ?

Наш отряд — правофланговый. Мы хорошо работали всю зиму, и школа наградила нас поездкой в Минск, по местам героических сражений советских воинов в годы Великой Отечественной войны. Дорога длинная. На ночевку остановились в лесу.

— Кто умеет ставить палатки? — спросил экскурсовод.

Мы молчим. Вообще-то некоторые умеют, но боятся опозориться. Закричишь «я», а потом не справишься. Когда палатки вытащили из автобуса, мы сперва определили, где верх, где низ. Поставили стойки, Натянули. Палатки готовы. Запасли на ночь хво-

роста, чтобы не замерзнуть, и сели у костра. Комаров — ужас! И в палатках, и за стенками. Но нытиков не было!

*Люда Гладких,
6-й класс,
Витебская обл., город Сенно*

День Нептуна — хорошая традиция!

Около села Красавка находится наш пионерский лагерь. Однажды рано утром первый отряд куда-то исчез. Мы на это сначала внимания не обратили...

На берегу речки собрались все отряды.

...Вдруг по воде пошли круги! Мы увидели Нептуна и русалок. Водяные черти брызгались, хватили новичков, тех, кто первый раз в лагере, и бросали в воду.

А потом прямо на берег был концент.

*Галля Суховерхова,
5-й класс,
Воронежская обл.,
село Грибновка*

Хорошо летом в палатке!

«Дорогие читатели!
С 20 по 27 мая в городах и селах Армении пройдет неделя помощи беспризорным и больным детям!

Помогите комсомолу в сборе и размещении беспризорных в школах и мастерских. Помогите им найти работу и жилье!

Работу, книгу, питание — кто что может, — должны мы дать нашим сверстникам. Ни один ребенок не должен оставаться на улице!»

«Патком», 1925 год

Вы, наверное, догадались, что это воззвания из старого номера пионерского журнала.

Странные, забытые слова «разруха», «беспризорничество» ушли из нашей жизни.

Больше пятидесяти лет выходит журнал «Пат-

ком». Он начал издаваться в трудные годы борьбы с наследием гражданской войны. Призывы «Паткома» не оставляли людей равнодушными. Огромным уважением пользуется этот журнал у всех жителей Арме-

Заметная страничка

Головастики

Кладут блестящую икру
В песок промытый, золотой,
И видно рано поутру
Мельканье черной зялтой.

Нак много будет лягушат!
Хвосты мелькают тут и там.
Нак буюнки в письме нишат —
Не будет жизни комарам.

Покрылась ржавчиной вода,
Ручей застыл, нак неживой.
Пути отрезаны тудай!
И — гибель юркой зялтой.

Они забилась в теплый ил
И ждут позбелы своей,
Чтоб этот ил их зашил
От жгучих солнечных лучей.

Но чья-то добрая руна
Их над канавной лодна,
Омыла грязные бока,
И воде живительной снесла.

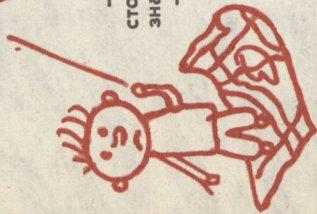
Где бьют подземные ключи,
Журчит приветливо вода...
Ты миг свободной уучи
И их спасать беги сюда!

*Нина Савушкина,
12 лет, 69-я школа,
Ленинград*

БАРАБАКИ

— Коркин! Покажи на карте Восточно-Европейскую равнину!.. Не знает то место, где он живет...
— А я не на карте живу!

Наташа Максимова,
Алтайский край

Ученый человек

Мы с мамой ужинали. Вдруг приходит младшая сестренка Лариса и говорит:
— Отгадай загадку! «Кто все знает, все умеет?»
— Ученый человек.
— Нет.
— А кто же тогда?
— Ученый человек.
— Я же так и сказала!
— А это не тот ученый человек, про которого ты сказала, а другой.

Гая Борзянская,
город Донецк

— Чем отличается река от моря?
— У моря один берег, а у реки два...

Наташа Нестеренко,
город Магистровка

ПОРЯШНИК И ДИМКИ

У Димки упала ручка под парту. Он полез ее искать. В это время учитель сказал: «Всем сидеть на местах, не двигаться и слушать меня внимательно!» Тут учитель заметил, что Димки нет на месте, он подошел и спрашивает: «Ты почему под парту сидишь?» А тот согнулся в три погибели и отвечает: «Вы сами сказали: сидеть на местах, не двигаться и слушать».

Тамара Салалова,
Брянская область

Дедушка бреется электробритвой.
— Жужжишь, как пчела! — говорит Дениска.

Прислала В. Демьянская,
Ленинградская область

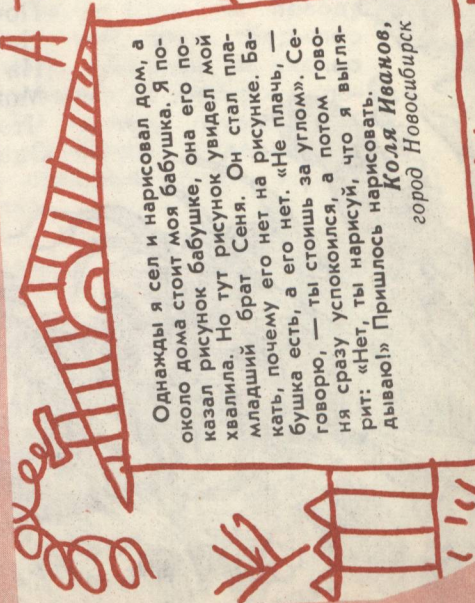
Мише шесть лет, я учу его буквам.
Вчера показала ему твердый знак.
— Это какая буква?
— Жесткий знак.

Прислала Лариса Жихарева
из Йошкар-Олы

А ТЫ ЗА УГЛОМ...

Однажды я сел и нарисовал дом, а около дома стоит моя бабушка. Я показал рисунок бабушке, она его похвалила. Но тут рисунок увидел мой младший брат Сеня. Он стал плакать, почему его нет на рисунке. Бабушка есть, а его нет. «Не плачь, — говорю, — ты стоишь за углом». Сеня сразу успокоился, а потом говорит: «Нет, ты нарисуй, что я выглядываю!» Пришлось нарисовать.

Коля Иванов,
город Новосибирск

Старший брат Алик говорит маме:
— Почему мои часы не ходят?
— Не знаю, надо отнести часовщицу почистить.
— Не надо, — говорит младшая сестра Севиль, — я их утром чисто вымыла, с мылом.

Прислала Лала Мурадова
из Баку

А. КЛЕЩЕНКО

ТАЕЖНЫЕ СТИХИ

В травах ягоды горят.
Солнце светит.
Жарко.
На прогулку глухарят
Вывела глухарка.
Вот наелись!
На крыло
Подниматься тяжело.

Этот зверь совсем особый,
С очень ценным мехом —
Соболь.

Как искры красные,
На дне
Горят икринки.
А к весне,
Неуловимы и легки,
Из них проклюнутся мальки.

Посмотри-ка:
Княженика,
Крупная и сладкая,
За кустами,
Под листьями
Выросла украдкою.

Почему на поле этом
Не растет пшеница летом?
Почему, скажи, на нем
Не отыщешь днем с огнем
Ни единого зерна?
Может, это целина?
Что за ровная площадка?
Здесь

идет
лесопосадка.

Рисунок Г. Ясинского

Давно не сидел я у пионерского костра, ох, давно! С 1941 года.

Правда, полгода назад пригласили меня в одну школу на пионерский костер, но это было совсем не то. Собственно костра и не было. Был обыкновенный пионерский сбор с номерами самостоятельности.

Я, конечно, понимаю, что на сцене школьного актового зала настоящего огня не разведешь. На этот счет существуют правила пожарной безопасности. Ну, а летом в лагере? Да и только ли в живом огне тут дело?..

Сидя на этом сборе, слушая песню о «Картошке», вспоминал я о кострах далеких годов не без грусти: неужели они навсегда отгорели?

На первый такой костер я попал случайно, в ту пору, когда еще не был пионером. Вывезли меня родители на дачу в деревню Перечицы Лужского района Ленинградской области. Были в той деревне две улицы, перед избами — палисадники с вишнями и сиренью, под горой — река Оредеж, а в самом центре Перечиц — бревенчатое двухэтажное здание школы. Вот в нем-то и поселился пионерский лагерь.

Был еще на краю деревни небольшой лысый холм с редкими сосенками, именуемый Комендантской горой. Как раз напротив дома, где я жил. И однажды в вечерних сумерках заметил я под холмом огонек. Побежал посмотреть: что там? Вижу: костер горит, вокруг ребята сидят, от дыма жмурятся, ветками комаров отмахиваются, и один мальчишка кинофильм «Чапаев» рассказывает. Вся картину наизусть! Эпизод за эпизодом!

С того вечера я уже ни одного костра не пропускал. Чуть завидю огонек — и туда! А там каждый раз разное. То ребята новую песню разучивают, то спорят о летающих моделях, то карнавал у них. Однажды поведенье своего товарища обсуждали. Крепко ему досталось! Он для костра где-

БЕСЕДА У КОСТРА

ДАВАЙТЕ ПОДУМАЕМ

то картошки накопал, хотел друзей угостить. Я его вполне понимал, сочувствовал ему, но и отряд понимал тоже: что ни говори, а ведь украл! На том костре я в первый раз свой посторонний голос подал: предложил приносить картошку. Предложение было одобрено, «виновник торжества» благодарно подмигнул мне, а я с той поры осмелел и стал уже приходить прямо в лагерь.

Вскоре я понял, что костер — это не только печеная картошка, песни и рассказы. Костер — это пионерский сбор.

А теперь давайте вспомним: много ли у вас летом бывает за смену пионерских костров? Могу за вас ответить: два, самое большее три. По какому поводу? По случаю какого-нибудь праздника, в честь окон-

чания смены или еще в родительский день. Так?

Два года назад в пионерском лагере, в том же самом Лужском районе, прочитал я в пионерской комнате интересный документ. «План работы дружины». Значилось в нем примерно следующее: «Приезд. Выбор актива. Кино. Прогулка в лес. Баня. Уборка территории. Кино. Баня...» Помню, удивился: что за чепуха? При чем тут баня? Ею лагерная медицина занимается, но никак не совет дружины. Кино тоже без всякого решения актива дважды в неделю привозят.

Ну, как тут не сравнить этот план с тем — пионерского лагеря давних лет? Была там строчка: «Отрядное время». Подразумевалось, что каждый отряд проводит полтора вечерних часа по своему усмотрению и дело для себя обязан выдумывать сам. Строчка эта очень ребятам нравилась. Они ее даже в «отрядное время» перекрестили.

Чаще всего, почти через день, отрядное время посвящалось сборам. И не было сбора без костра. Не обязательно могучего, с пламенем под облака. Для беседы, разговора, песни совсем небольшой огонь требуется. В неглубокой круглой лунке потрескивают четыре сучка — и хватит. Двое ответственных: один за огнем следит, чтобы не убежал из лунки, другой сухие сучья носит.

Конечно, были у тех ребят и праздничные сборы, но, кроме них, — сбор по поводу прочитанной книги, сбор-спор на тему: «Должен ли пионер здороваться с сельским попом?», костер, посвященный смычке города и деревни, а то и отрядный сбор — игра в лапту!

Есть ли сейчас такие костры? Один раз видел. Во время финальных игр «Зарницы» под Псковом. Тоже сидели ребята у костра и один из них рассказывал о легендарном комбриге Яне Фабрициусе, который вел в первый бой молодые полки Красной Армии. А потом возник спор: каким дол-

жен быть пионерский вожак? Всем было интересно. Было общее дело. А как же без него, без общего дела, можно по-настоящему подружиться?

Нет, ребята, вы не подумайте, что я старый ворчун и мне пионерия моего детства нравится больше сегодняшней. Совсем нет. Отличные у нас ребята! Знают они куда больше тех моих сверстников, интересы у них — шире, дела отнюдь не мельче, задора тоже хватает.

Я для чего былые годы вспомнил? Для обмена опытом. Из тех лет осталась хорошая песня:

*Дым костра, углей сиянье,
Серый пепел и зола.
Дразнит наше обонянье
Дух картошки у костра.*

А пробовали ли вы такую картошку?

Вот поставил я знак вопроса, и вроде он как-то ерзает на бумажном листе, не лежит ему. Это, наверное, потому, что я ответа вашего не слышу. Что же это за беседа, если один все время говорит, а остальные — ни гу-гу? Если уж беседа — давайте все вместе. Обсудим, поспорим.

Сейчас вас лето к себе зовет. Березы ветками машут, желтые светофоры одуванчиков вдоль дорог рассыпаны, а вокруг — сплошная зелень: шагай, путь в лето открыт!

О чем вы у огонька беседовать будете? С кем спорить и что доказывать? Какие песни петь?

Очень буду я благодарен, если вы об этом напишете. Прямо в журнал «Костер». О самом вашем интересном костре лета 1976 года. Чтобы наша беседа взаимной получилась.

Договорились? Напишите? «Костру» — о кострах!

В. СУСЛОВ
Рисунок
А. ЕЖЕЛИНА

ТАКАЯ У НАС

У нас в гостях
кавалер орденов Ленина и
Трудового Красного Знамени
бригадир комплексной
строительно-монтажной
бригады З. А. Смирнова.

— Зоя Ананьевна, многие читатели «Костра» уже всерьез задумываются о выборе будущей профессии. Поэтому расскажите, пожалуйста, как вы стали строителем.

— Как стала?.. Случайно стала. Теперь самой не верится: как это я могла бы не строи-

телем быть! А ведь могла бы... Я, знаете, такая: куда поставят, там и работаю. Сперва, когда в годы войны я еще совсем девчонкой была, в колхозе работала: и пахала, и косила, и молотила. Как сейчас помню, дали премию — двадцать килограммов ячменя. Вот уж я радовалась... А в сорок четвертом году мне и еще несколькими девочкам нашего села прислали повестки из школы ФЗО. Словом, профессию я не выбирала, мне ее, можно сказать, «навязали». По нынешним временам такое просто невозможно да и все. А тогда считалось нормально — война, надо!

Но, знаете, когда я оглядываюсь на свою жизнь, то ни о чем не жалею, даже довольна, что так вышло.

Дело вот в чем. Ни певицей, ни артисткой, ни художницей я становиться не собиралась, не чувствовала в себе призвания к «особым» профессиям. Могла стать продавцом, ткачи-

лочников уже давно. Сначала считалась звеньевой, потом стала бригадиром штукатуров, потом додумались мы до комплексных бригад. Это намного выгодней!

Вот делают свою работу наши штукатуры — им уж неудобно выполнять ее тяп-ляп. Ведь следом идут твои же товарищи — маляры, плиточники, те самые, с которыми ты вместе обедаешь, идешь на смену, встречаешься дома после работы. Потому что все мы одна бригада.

— Считается, что наставник сродни вожатому. Как опытный наставник молодежи что вы могли бы посоветовать вожатым октябрятских звездочек и пионерских отрядов?

— В первую очередь я бы хотела сказать вот о чем. Иногда придешь в школу и слышишь жалобы от вожатых: мол, стараюсь, стараюсь, а они меня не слушаются. Как тут ответить? Причины, конечно, могут быть разные. Но главное и неперемное условие успеха в том, что ты, вожатый, должен стать примером во всем.

Вот о себе скажу. В бригаде, невольно даже, может быть, а за мною следят: как Зоя поступит. При чем, я замечала, больше всего вредят мелочи — то, на что, кажется, и внимания-то не обратишь.

Ан нет! Как раз они-то и подводят. После работы инструмент не почистила — конец. Уж потом про аккуратность и бережливость речи не заводи! Зашла в бригадный вагончик, ноги не вытерев, на всю жизнь наследишь!

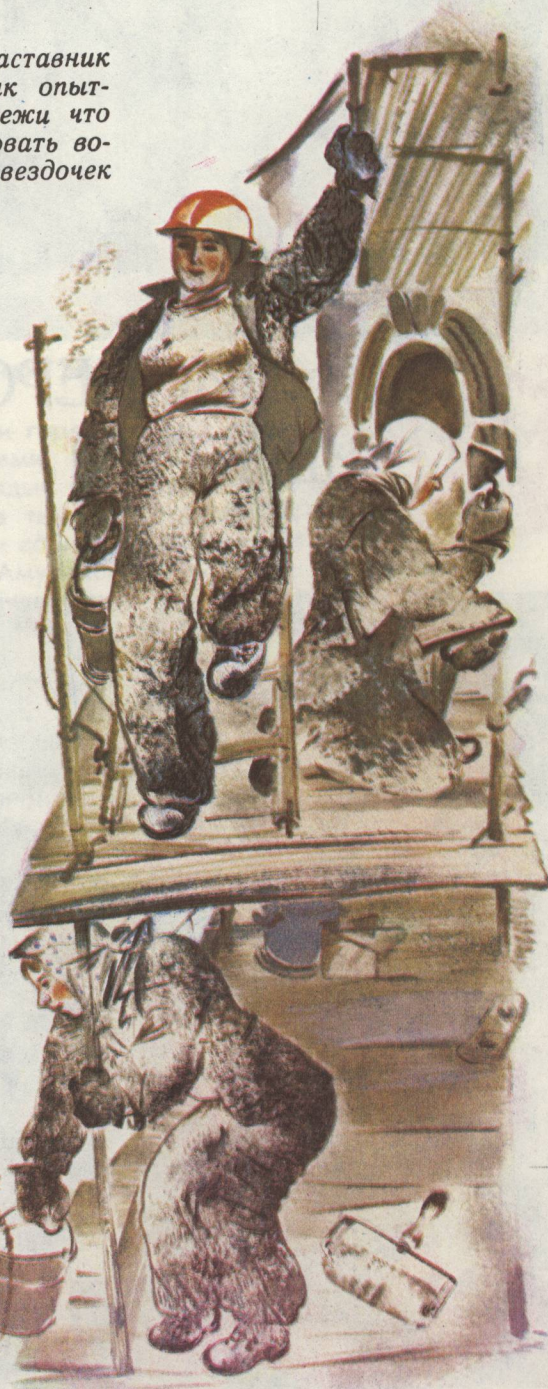
Трудно это, настроение бывает всякое, и устанешь иной раз так, что спины не разогнуть. Но только нету другого пути, если хочешь сделать людям хорошее.

ЗАДАЧА

хой, могла остаться в колхозе. Однако в тот момент нужны были именно строители. Вот и все было решено!

Но хорошим строителем стать непросто — попробуй-ка! На это уходят годы. Пока станешь мастером, пока почувствуешь еще ответственность за свою работу и поймешь, что тебе просто стыдно и невозможно делать ее плохо.

Я руковожу бригадой отде-

Рисунки В. Цикоты

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников среди венгерских пионеров

В прошлом году, в канун 30-летия со дня освобождения Венгрии от фашизма, каждый венгерский пионер получил паспорт. Не обычный гражданский, а свой «Пионерский паспорт». В этой небольшой книжечке, кроме сведений о владельце—фамилия, имя, отряд, школа, — текст Торжественного обещания юного пионера Венгрии, рассказы о достижениях республики, о трудовых подвигах коммунистов и комсомольцев.

Были в этом паспорте и чистые страницы. Их предстояло заполнить самим пионерам. Но не простыми записями о том, что увидел да с кем подружился — для этого существуют обычные дневники, — надо было написать, что ты сделал в честь юбилея рес-

Агитпоезд пионеров

У ПИОНЕРОВ ВЕНГРИИ

публики. Было и такое обязательство у венгерских ребят в год 30-летия своей республики: сделать тридцать полезных дел и записать их в свой «Пионерский паспорт».

И пионеры слово свое сдержали. В паспортах появились записи о сборе металлолома и макулатуры, о работе в поле и озеленении родного села или города, о шефстве над младшими школьниками, об участии в походах, экспедициях по родному краю. Одним словом, полезных дел было сделано столько, что чистых страниц в «пионерских паспортах» не осталось.

Взять, к примеру, экспедицию «Красная звезда», которая проходила, как наш Марш пионерских отрядов, под девизом «Салют, Победа!». В ней участвовали все пионеры Венгрии. В своих походах они повторили путь Советской Армии по венгерской земле, освободившей ее от фашистов. В походах ребята собрали много воспоминаний, встречались с героями Сопротивления, антифашистами, с воинами Советской Армии.

Из собранных материалов пионеры создали в школах Уголки славы, выставки. А самое лучшее привезли в «Артек» на международный детский фестиваль «Салют, Победа!».

...Село Мокад освободили советские солдаты, которыми командовал лейтенант Сурошников. В бою он был тяжело ранен, но остался жив. Ребята узнали адрес и написали письмо советскому командиру, просили его рассказать об этом бое. Сурошников выполнил просьбу, но высказал сожаление, что был ранен и не смог дальше воевать вместе со своей частью. Тогда пионеры прошли по боевому пути дивизии, в которой сражался Сурошников. Они вели дневник, делали снимки. А затем этот дневник вручили герою.

Венгерские ребята — народ трудолюбивый. Активно проходила республиканская операция по сбору макулатуры. Каждый пионер обязался собрать столько бумаги, сколько весит его учебники. Все ребята выполнили задания, а многие даже перевыполнили.

Венгерские пионеры — настоящие интернационалисты — это хорошо знают дети Чили, Португалии, Анголы и других стран, борющихся против империализма и фашизма. Венгерские пионеры проводят трудовые десанты для фонда мира и фонда солидарности с народом Чили.

Теплая дружба связывает венгерских пионеров с ребятами других социалистических стран.

«Почта свободы» — так называется интернациональная акция венгерских пионеров. Штабом ее стал пионерский журнал «Пайташ». В прошлом году через этот журнал пионеры Венгрии получили из Советского Союза и социалистических стран больше одиннадцати тысяч писем от своих сверстников. Переписываются между собой целые пионерские дружины и отряды. Ребята рассказывают о своих делах, ведут совместные

Пионерский лагерь „Занка“ — венгерский Артек

поиски героев войны, обмениваются книгами, значками.

Каждый венгерский школьник знает и следит за тем, как строится БАМ, как наши пионеры собирают металлолом на рельсы Байкало-Амурской магистрали.

Сейчас лето и все венгерские ребята отдыхают, набираются сил, чтобы учиться еще лучше. Ведь для венгерских школьников нет задачи важнее, чем учиться на совесть. Во всех школах республики проходят акции «Каждый отряд — без второгодников», «Окончим восьмой класс все вместе».

В пионерских отрядах все любят спорт. Каждый пионер отлично плавает, играет в шахматы, каждый умеет кататься на велосипеде.

Венгерские ребята окружены любовью и заботой своей Родины. Учителя, вожатые, виднейшие ученые, новаторы труда передают им свой опыт. Познавать прекрасное им помогают выдающиеся мастера культуры: писатели, композиторы, художники. В распоряжение ребят отданы лучшие дворцы, стадионы и парки, для них построены пионерские лагеря.

У венгерских пионеров есть свой Артек — международный пионерский лагерь «Занка» на живописном берегу озера Балатон.

В этот лагерь каждый год приезжают на отдых пионеры из зарубежных стран и, конечно, из Советского Союза.

Виктор СМЕРНОВ

РУССКИЕ РЯБИНЫ

Александр ИВАНЧЕНКО

Рисунки К. Претро

Ява — жемчужина Индонезии, Богор — жемчужина Явы. Голландцы называли его Бюитензорг — город без забот. Постоянно двадцать — двадцать два градуса выше нуля. С окружающих гор веет ласковой прохладой. По временам моросит мелкий дождик, но солнце не прячется, и дождик кажется радужным. Над Богором вечно ослепительно-белые облака и вечно лазурное небо. Словно сама природа подсказывала создать в этом уголке земли величайший из садов мира. Все, что где-либо растет в тропиках, вы найдете и в Богорском ботаническом саду.

Не все, наверное, знают, что здесь, за морями-океанами, этот храм природы создавали и наши земляки: русские ученые Миклухо-Маклай, Краснов, Ясногородский, Бортников и другие. Их руками посажены тысячи редких деревьев и, как память о далекой Родине, аллея русских рябин.

Но, пожалуй, самой колоритной фигурой среди наших земляков, которые работали в ботаническом саду после Миклухо-Маклая, был натуралист-

любитель Василий Малыгин, крестьянин из подмосковной деревни Малыгино.

Чтобы попасть на Яву, он нанялся матросом на пассажирский пароход. По рекомендации Краснова его зачислили научным сотрудником одной лаборатории.

Малыгин начал писать большой научный труд о тропической флоре. Но планы его неожиданно изменились.

Он узнал, что голландцы задумали нападение на остров Ломбок. Этот маленький островок был самым героическим из всех островов Малайского архипелага. И до 1895 года сохранял свою независимость.

Малыгин решил помочь ломбокцам. О том, как он там появился, индонезийцы еще и сейчас рассказывают с восхищением.

Среди работавших в Богорском ботаническом саду яванцев были люди с Ломбока. Когда-то их взяли в плен и держали на положении рабов. Устроив им побег из Богора, Малыгин отправил с ними письмо ломбокскому радже. Написал, что если к острову

подойдет корабль под королевским флагом и двадцать один раз выстрелит из орудий, бояться этого корабля не нужно. Остальное податели письма должны были объяснить на словах. Одного из них Малыгин попросил вернуться в условное место с ответом.

От Явы Ломбок недалеко, и ответ не задержался. Раджа сообщил, что с нетерпением ждет русского ученого в Матараме — столице Ломбока.

Путь к Ломбоку лежал через остров Бали. Малыгин прибыл туда в форме майора колониальной армии. Начальству балийской военно-морской базы он отрекомендовался специальным эмиссаром генерал-губернатора. Будто бы тот поручил ему с разведывательной целью нанести визит в Матарам. Для этого начальник базы должен был предоставить в его распоряжение военный корабль.

За три года жизни на Яве голландский язык Малыгин выучил так, что говорил без малейшего акцента. Документы, фальшивые, разумеется, сомнения у начальника базы тоже не вызывали. Да он к ним и не присматривался, так как «эмиссар» стоял выше него не только по должности, но и по воинскому званию. Нацепив майорские знаки отличия, Малыгин на это и рассчитывал.

Операция удалась блестяще. Ломбокцы, имевшие только луки и стрелы, легко захватили корабль с пушками, снарядами

и другим вооружением. Малыгин особо позаботился о снарядах. Следом за фрегатом шла на буксире баржа с дополнительным боезапасом.

Пока на Яве хватились, Ломбок был готов к сопротивлению.

Пушки с захваченного корабля перетащили на берег. Обслуживать их Малыгин поставил пленных голландцев. Ломбокцы, не умевшие обращаться с артиллерией, орудий выполняли роль стражи.

Осада Ломбока продолжалась два месяца. Колонизаторы вторглись на остров лишь после того, как осколком снаряда тяжело ранило Малыгина.

Трагедия Ломбока — одна из самых страшных страниц в истории колониальных войн. Голландцы разрушили все дотла. Селения, город Матарам и даже дворец раджи, который являлся ценнейшим архитектурным памятником тысячелетней давности, сровняли с землей. Большинство защитников острова было уничтожено.

Русского ученого привезли на Яву, вылечили, затем судили. Судьи с недоумением спрашивали, что заставило его, культурного европейца, сражаться на стороне желтокожих?

— Я хотел, — сказал Малыгин, — чтобы хоть один клочок земли в этой стране оставался свободным. Три года меня окружало рабство. Я видел же-

стокие телесные истязания, горе и слезы рядом с бессмысленной роскошью и самодовольством. Долг человеколюбия, совесть, наконец простая порядочность взывали к действию.

Приговорив Малыгина к двадцати годам тюремного заключения, судьи предъявили ему нелепое обвинение: измену родине, то есть Голландии, поскольку судили его по голландскому закону. В газетах Европы поднялась волна возмущений. Приговор суда генерал-губернатору пришлось отменить. Ограничились высылкой Малыгина из Ост-Индии.

Интересно, что в Индонезии многие считают Малыгина индонезийцем. Его фамилия созвучна местным именам. Ученый Малыгин превратился в раджу Маланга, и теперь попробуй убедить индонезийцев, что город Маланг на Яве назван вовсе не его именем.

— Как не его именем? — удивляются яванцы. — Разве был другой такой легендарный Маланг?

В Богорский ботанический сад я входил в трепетном волнении. Как гигантский зеленый

грот, поднимались своды канариевой аллеи — аллеи Маклая. Он посадил ее своими руками. Я гладил шершавую кору стволов и слушал научного сотрудника сада доктора Сурото.

— Что вы хотели бы увидеть?

— Все, что можно, и Русскую аллею, конечно.

— А, рябины!

Мы шли узкой прямой дорожкой, растянувшейся метров на восемьсот. По обе стороны на огромной площади росли только пальмы. Это был знаменитый богорский пальметум.

Вот саговая пальма, из ствола которой добывают крахмал, а рядом сахарные пальмы, масляные, финиковые...

За ними началась плантация гигантских фикусов и пандануса — дерева, которое стоит как на подпорках. Воздушные корни, отрастая от ствола, тянутся к земле под углом в 30—40 градусов. Толщина их иногда в две руки и везде одинакова, как будто дерево подперли бамбуковыми палками.

Все кругом диковинное и все прекрасное. На плантации кактусов пунцовая алоэль цветов, яркая до ряби в глазах. Цветы словно вырезаны из драгоценных рубинов. А сами кактусы

достигают высоты пятиэтажного дома.

— А это, — сказал доктор Сурото, — Русская аллея!

Будь я здесь один, мне бы и в голову не пришло, что передо мной рябины. Их зачем-то подстригают, и кроны стали круглыми, как шары. Кисти созревающих ягод такие же, как у нас, огненно-красные, но немного крупнее и форма кисти выпуклая. Издали кажется, что на дереве растут помидоры. По словам доктора Сурото, самое удивительное, что эти рябины не разучились в Индонезии чувствовать времена года в России: в ноябре сбрасывают листья, а в мае цветут.

— О, это надо видеть! — воскликнул переводчик. — Когда рябина цветет, на ней еще висят ягоды.

Рябины, милые рябины... И в другом краю света, под другим небом, в другом наряде вы остались русскими и помните о своей Родине.

Я сорвал рябиновую кисть и ощутил во рту знакомый с детства привкус.

Доктор Сурото и переводчик испугались.

— Это несъедобно, бросьте, вы отравитесь!

Они даже не представляли, какие это вкусные ягоды.

СТРАНИЧКА АРТЕКОВСКОЙ ИСТОРИИ

Однажды по пустынному берегу моря бродил человек. Извилистая тропинка привела его к Медведь-горе... Уступы диких скал нависли над морем. Человек шел и смотрел вокруг. Он словно прислушивался к шуму моря.

В крике чаек человеку слышался детский смех, серебристый и звонкий, как горный ручей. А чайки по-прежнему беззаботно кружили над ним, белокрылые дети моря.

Он смотрел на чаек и думал о детях Земли...

...Самым большим богатством на свете он считал здоровье и, придирчиво осматривая каждую пядь земли, искал подходящее место для пионерского лагеря. Понравится ли оно ребятам?

Звали его Зиновием Петровичем Соловьевым. Он был коммунистом, человеком с большой буквы, поэтому и доверили ему такое ответственное дело. Решение создать пионерский лагерь в тяжелое для страны время было одним из тех чудес Советской власти, которые поражали всех не только в те годы, но продолжают поражать и сейчас.

Артек — первая в стране пионерская здравница — должен был стать кузницей здоровья для детей рабочих и крестьян.

Строил Артек ударный отряд комсомольцев-строителей. Пионеры выходили на воскресники по сбору металлолома и макулатуры. Вырученные средства поступали в фонд строительства Артека.

В веселых артековских чапушках тех лет, сочиненных Зиновием Петровичем Соловьевым, были такие слова:

Пионеры не дремали,
Комсомолу помогали.

Наш Артек, наш Артек,
Не забудем тебя ввек!

Смотрит лагерь, как картинка,
Он — рабочая новинка.

Наш Артек, наш Артек,
Не забудем тебя ввек!

...В августе 1926 года, через год после открытия, в Артеке, кроме советских ребят, отдыхали три немецких пионера со своим вожатым и двое вожатых — комсомольцев из Дании. С этих пор Артек стал интернациональным пионерским лагерем!

Особым артековским духом, жизнерадостностью и невиданной светлой энергией, глубокой верой в торжество нового дела — дела революции, поражал Артек любого, кто побывал у него в гостях.

Клара Цеткин, немецкая коммунистка, славная дочь рабочего класса, тоже была гостем Артека. На фотоснимке вы видите ее в президиуме рядом с Соловьевым. Она своими глазами увидела, как живут советские ребята. С красным галстуком на груди, который ей повязали артековцы, она отдала салют перед развернутым знаменем. На багряном полотнище золотилось изображение серпа и молота — эмблемы Советского государства... Ниже, как присяга юных сердец, были слова: «Клянемся выполнить заветы Ильича!»

Уезжая на Родину, Клара Цеткин сказала: «Этот лагерь — лишнее доказательство того, что молодой, бедный Советский Союз может пристыдить старые богатые буржуазные государства своей заботой о юношестве».

Л. КОНДРАШЕНКО

Клара Цеткин и З. П. Соловьев с первыми артековцами

КАЖДОМУ ХОЧЕТСЯ ИМЕТЬ ТЕЛЬНЯШКУ

РАССКАЗ

Алексей КИРНОСОВ
Рисунки Т. Оболенской

Пляж был не из песка, а из довольно больших камней, которые называются гальками. Есть некоторые девчонки, которые называются Гальками, но это совсем другое, и путать не надо. По галькам босиком ходить очень больно, поэтому я ходил за папой и просил разрешения ползти на коленках, чтобы не кололось.

Ползать на коленках в десять лет уже стыдно, поэтому я ходил за папой и просил разрешения надеть сандалии. Но папа сказал, что он не разрешает мне обуться, потому что ходить босиком по камням — это есть колоссальная и ничем не заменимая польза, а также тренировка нервной системы, важность которой для здоровья невозможно переоценить. Потом папа воткнул в камни две палки, прицепил на них полотенце и велел мне через каждые пятнадцать минут бегания по пляжу залезать под это полотенце в тень минут на десять.

А на море в это время был прибой.

На берег набегали огромные волны. У самого берега волна вдруг как бы замирала, вскипала пеной, выростала выше меня и потом обрушивалась с грохотом и шипением. Я стоял и прикидывал в уме, как бы так сделать, чтобы в море не залезать, но чтобы никто не догадался, что в море мне залезать страшно.

Подошел папа. Волны сразу стали поменьше. Наверно, потому, что когда я сравнивал их с собой, то они были выше человеческого роста, а когда сравнил с папой, они оказались ниже, чем по плечи.

Папа спросил:

— Тебе кажется, что вода холодная? Не сомневайся. По радио сообщили, что температура воды двадцать шесть градусов.

— Что ж ты раньше не сказал!

— Так что пойдем в воду. Впрочем, позволь-ка, я попробую перенести тебя через прибой на руках.

— Попробуй, — позволил я с большим облегчением.

Папа взял меня на руки и шагнул вперед. Тут меня обжало, затрясло, залило соленой водой с головой и с ушами. Но на руках у папы чего бояться. Зажмурив глаза, я воображал, что попал в обыкновенную автобусную давку во время наводнения.

Буквально через полминуты неприятности кончились. Папа отпустил меня. Раскрыв глаза, я увидел вполне спокойную поверхность моря. Она вздымалась и опадала, не залезая человеку ни в глаза, ни в рот. Она была теплая, как ванна. Поэтому мы с папой плавали далеко и долго, а потом перевернулись на спину и смотрели в синее небо, где летали чайки.

Один раз над нами вместо чайки пролетел вертолет с цифрой «4» на борту. Из кабины высунулся летчик и поглядел на нас.

— Не волнуйся, дружище, — сказал ему папа. — Мы хорошие. Мы вчера прилетели из Ленинграда, недельки две здесь покупаемся.

Летчик, конечно, его не услышал, но он и без того понял, что мы в самом деле хорошие, плавать умеем и за нас беспокоиться не следует. Он спрятался в свою кабину и улетел.

Мы поплыли к берегу. Через прибой я вылезал сам, и меня здорово поколотило этими камнями, которые гальки. Волны тащат их с собой из моря и бросают на берег большими горстями.

Мы легли отдохнуть возле нашего полотенца-палатки. Приятно отдыхать после купания, разговаривать с папой про всякую всячину и чувствовать, как твоя белая кожа раскаляется, натягивается на костях и загорает. Папа рассказывал про интересные случаи из своего последнего плавания, а попутно собирал плоские камни и укладывал их рядышком. Сначала я не понял, для чего он делает такую бесполезную работу, а потом гляжу — папа лежит не на куче камешков, а на красивом коврике из разноцветных камней.

Я всегда говорил, и вам сейчас повторяю, что мой папа — самый умный на свете папа. Каждый раз такое придумает, что едва выдержишь, чтобы не запрыгать от радостного удивления. И что самое удивительное, он всегда придумывает для других. Для мамы, для меня, для гостей, для соседей.

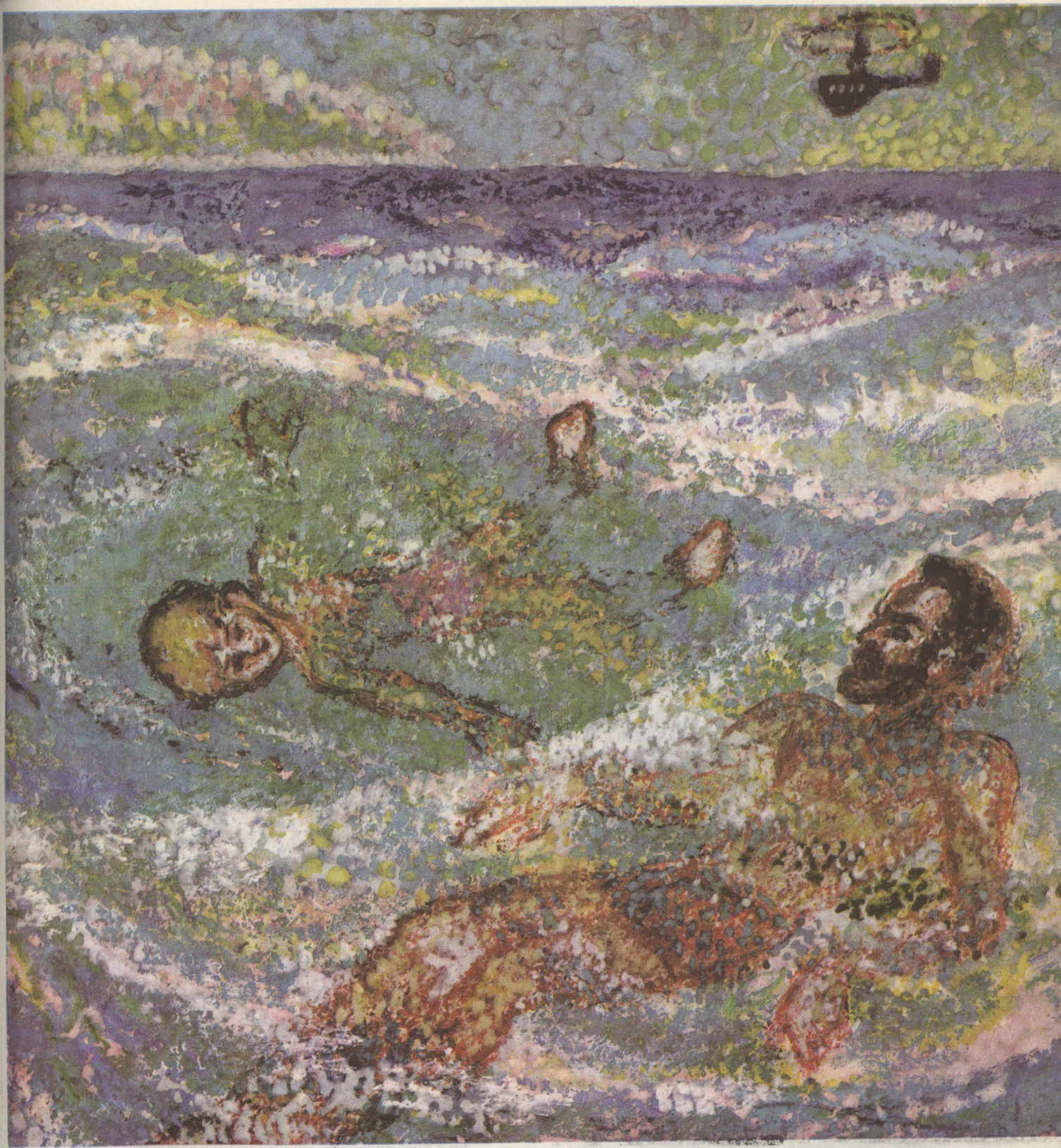
— Замечательный получился коврик, — сказал я. — Это же надо так придумать!

— Ну и ложись на него, — подарил мне папа каменный коврик. — А я похожу по гальке, потренирую пяточный нерв...

И папа пошел вдоль моря, делая вид, что ему не больно шагать по острым камням.

А я задумался. О том, что я, сын такого умного и ловкого папы, являюсь несообразительным и в общем-то скучным человеком. Я не умею придумывать, ни о чем не могу раньше всех догадаться и мало чего способен делать своими руками. Вот даже искупаться сам не сумел. И, подумав так сокрушительно, я сказал себе: «Нет, искупаться, наверное, я сумел бы и сам. Надо попробовать, а то зачем тогда и жить на свете, если я такой никчемушный».

И пошел к морю пробовать. Долго решался, собирал храбрость и слушал, как в груди трепещется страх. Даже забыл, что камни впились в пятки. Вы, конечно, по себе знаете, как это противно, когда в груди трепещется страх. Знаете, не отпирайтесь. В общем, от этой про-

тивности я решился и прыгнул в воду. Пока выгреб на вольную, спокойную поверхность, я сто раз обмирал и решал, что все кончено и мир избавился, наконец, от такого жалкого труса. Вдруг состояние мое переменялось, я раскрыл глаза, поплыл вперед и стал думать о себе с удовольствием. Может быть, я на многое способен. Только еще не знаю, потому что

не пробовал. Может быть, я все на свете могу, только мешает нерешительность. Хотелось плыть далеко-далеко, до корабля, стоявшего на якорю поблизости от горизонта. И я доплыл бы до него, если бы не обернулся. Смотрю — берег в ужасной дали. Меня охватила некоторая жуть, и я вспомнил, что подо мной больше километра глубины. И я сказал себе:

«В десять лет мальчик еще не обязан быть героем. В десять лет мальчик обязан хорошо учиться, слушаться взрослых и собирать макулатуру. Именно в этом будет состоять подвиг его жизни и поведения среди людей...»

Я очень быстро поплыл к берегу.

При выходе из моря меня снова исколотило камнями, но ведь тумачи, к которым подготовился, не так болезненны и обидны. Знаешь, на что идешь. Подготовлен заранее.

Но вот чего я никак не мог заранее ожидать, так это того, что на моем каменном коврике сидит коричневая девчонка с громадными и черными глазами, как у куклы «Индианки».

— Здравствуй, — сказала девчонка.

Я машинально ответил:

— Добрый день.

И этим ответом погубил все дело, потому что теперь прогнать ее с моего коврика было бы невежливо.

Девчонка засмеялась:

— Ты смешно ходишь: как будто тебя кусают за пятки какие-то мыши.

— Эти гальки страшнее всяких мышей, — объяснил я странность своей походки и уселся рядом с ковриком. — Впиваются в подошвы.

— Это только в первые дни, привыкнешь, — утешила она меня. — Ты откуда приехал?

— Из Ленинграда. А ты откуда?

— Я здешняя, батумская.

Она и не думала уходить с моего коврика. Ей очень нравилось сидеть на моем коврике.

И тогда я не выдержал:

— У батумских у всех такая привычка — садиться на чужое место?

— А ленинградские все такие жадные? — ловко отбрила девчонка и сделала вид, что медленно уходит.

— Сиди, я не гоню... — Я, наверное, покраснел, но сумел вывернуться. — Мне не жалко. Но мне было бы приятнее, если бы я сам предложил тебе посидеть на моем коврике.

Я подумал, что и в самом деле пригласил бы ее посидеть на таком прекрасном коврике, если бы она не плюхнулась на него без разрешения. И тогда я понял, почему папа так любит делать для других. Это приятно.

— Ты сам придумал такой коврик?

— Нет, — честно признался я. — Я не умею придумывать. Это папа придумал.

— Давай, наконец, познакомимся. Меня зовут Натя.

— А меня Мишка.

— Хочешь, я научу тебя придумывать, Мишка? — предложила она.

— Разве можно научить придумывать?

— Вполне можно.

Я спросил:

— Приведи пример!

— Пожалуйста... Вот тебе пример: ты сидишь на своем коврике.

— Это ты сидишь на моем коврике.

— А хоть бы и я. О чем ты думаешь, когда видишь, что я сижу?

Я думал о том, какая она вся прекрасно-

шоколадно-коричневая и как приятно улыбается.

Но этого я не сказал, а сказал другое:

— Думаю, что тебе жарко и хочется искупаться.

Мне самому стало уже жарко. Очень напекло голову. Я достал из портфеля свою тельняшку и закутил ее вокруг головы.

— Правильно думаешь, — сказала Натя притихшим голосом, глядя на мою голову. — А что ты думаешь дальше?

Она не отводила глаз от моей головы.

— Думаю, что на море сильный прибой и купаться тебе страшно.

— Это ты не очень правильно думаешь, — сказала она. — Но продолжай думать дальше.

— А чего продолжать?

— Ну, подумай, что я захотела встать и пойти к морю, чтобы искупаться.

— Ну, вставай... — я задумался. — Могу подарить руку.

— Это ты правильно думаешь, — сказала она, — но неинтересно. Так каждый может, кто даже совсем не умеет придумывать.

— А что еще? На себе тебя понести, что ли?

— Ну вот, уже грубишь!

— Я не грублю, я соображаю.

— Тебе хорошо ходить по гальке?

— Видела же, что плохо... — В моей голове, обмотанной тельняшкой, сверкнула идея. Наверное, оттого, что Натя на нее так упорно смотрела. — Надо построить дорогу от моего, то есть от нашего, коврика до самого моря!

— Вот видишь! — закричала Натя, и лицо у нее стало счастливое. — Взял и придумал!

Сперва мы строили дорогу вдвоем. Я подносил плоские камни, а Натя укладывала их ровно и прямо. Потом, достаточно натренировав пяточный нерв, вернулся папа с каким-то очень кривым черным суком. Папа положил сук, стал нам помогать, и мы быстро закончили нашу дорогу до самого прибоя. С удовольствием и с визгом побегали по нашей прекрасной дороге. Пяткам ничего не было. Ходить удобнее даже, чем по асфальту.

— А помнишь, для чего мы построили дорогу? — крикнул я.

— Чтобы пойти к морю и искупаться! — сказала Натя.

— Вы не боитесь купаться в таком бушующем море? — спросил папа Натю, сделав большие и страшные глаза.

— Я каждый день плаваю! — засмеялась Натя.

Искупались мы все втроем замечательно. Натя плавала очень хорошо, не хуже меня, только не так быстро. Она свободно лежала на спине и умела при этом разговаривать. Лежа на спине, она рассказала нам, что живет вот в тех новых домах, которые отсюда видно, и что папа у нее старший лейтенант милиции Автандил Николаевич. И вообще, все, что она рассказывала, лежа на спине, было замечательно интересно. Хотелось, чтобы она рассказывала еще много и про Батуми, и про горы, и

про Ботанический сад, и даже про Турцию, которую отсюда тоже хорошо видно.

Но папа велел плыть к берегу, потому что надо соблюдать режим и пора обедать.

— Не желаете ли отобедать с нами, Натия Автандиловна? — предложил папа этой тощей девчонке, которой, может быть, еще и десяти лет не исполнилось. — Гарантирую, что обед будет вкусный.

— Спасибо, но нет, — сказала Натия. — Я очень, конечно, желаю, но мне запрещено уходить с пляжа.

Вела она себя странно, поскучилась, и глаза были просто прикованы к моей тельняшке.

— Искренне сочувствую, но и одобряю ваше поведение, — сказал папа. — Не огорчайтесь. Послушание родительской воле, при всем его сиюминутном неудобстве, в будущем одарит вас прекрасными душевными качествами.

— Какими же одарит? — печально и с сомнением вздохнула Натия.

Папа сказал:

— Многими. И среди них самообладанием, внутренним равновесием, мудрым терпением и, главное, умением заглядывать в будущее и видеть дальше собственного носика.

Не знаю, убедил ли ее папа. Натия не улыбнулась.

Она улеглась на каменный коврик и стала смотреть на море. Надев свою тельняшку, я заметил, что ее глаза, вывернувшись почти на самый затылок, смотрят на меня не мигая.

Я все понял.

— Тебе хочется иметь тельняшку? — закричал я.

— Каждому хочется иметь тельняшку, — тихо сказала Натия.

Вы думаете, что раз у меня папа капитан, так это он раздобыл мне моряцкую тельняшку? Ничего подобного. Найти тельняшку для десятилетнего человека, каким бы он ни был крупным для своего возраста, это дело непосильное даже капитану. Это если кто и может сделать, то только мама. Помню, как я ныл, настаивал и умолял, напоминал и плакал до тех пор, пока мама не сказала, заломив над головой руки:

— Я больше не могу! У тебя мания! Тебя надо лечить!

— Мне надо тельняшку, — повторил я. — Как у папы.

— Папа вернется с моря и выпорет тебя! — закричала мама.

— Пусть он меня порет в тельняшке хоть каждый день, — сказал я.

— Бр-р-р... — вздрогнула мама, пошла в прихожую и надела пальто.

— Ты куда, за тельняшкой? — спросил я.

— Не знаю, — сказала мама. — Мне все равно. Я не могу жить в одной квартире с маньяком. Прощай, возможно, я больше не вернусь.

— Прощай, дорогая мама, — сказал я. — Между прочим, Колька из шестой квартиры говорил, что в Кронштадте на любой рост можно тельняшку купить.

— Ох! — всхлинула мама. — Какое счастье, что не в Архангельске...

Она громко хлопнула дверью, а я построил из стульев теплоход «Селенга» и поплыл к проливу Большой Бельт, навстречу папиному теплоходу «Пинега». Утомившись на мостике, я спустился в каюту, точнее говоря, под стол, и там нечаянно заснул. Вахтенный котенок Флинт разбудил меня хвостом по носу, я вылез из каюты и увидел, что на левом борту моей «Селенги», другими словами, на спинке стула, висит тельняшка. А мама, одетая, спит на диване.

Вот такая была история ее происхождения.

Я все это вспомнил и поглядел на папу.

Папа ничего не сказал, но хитро подмигнул левым глазом.

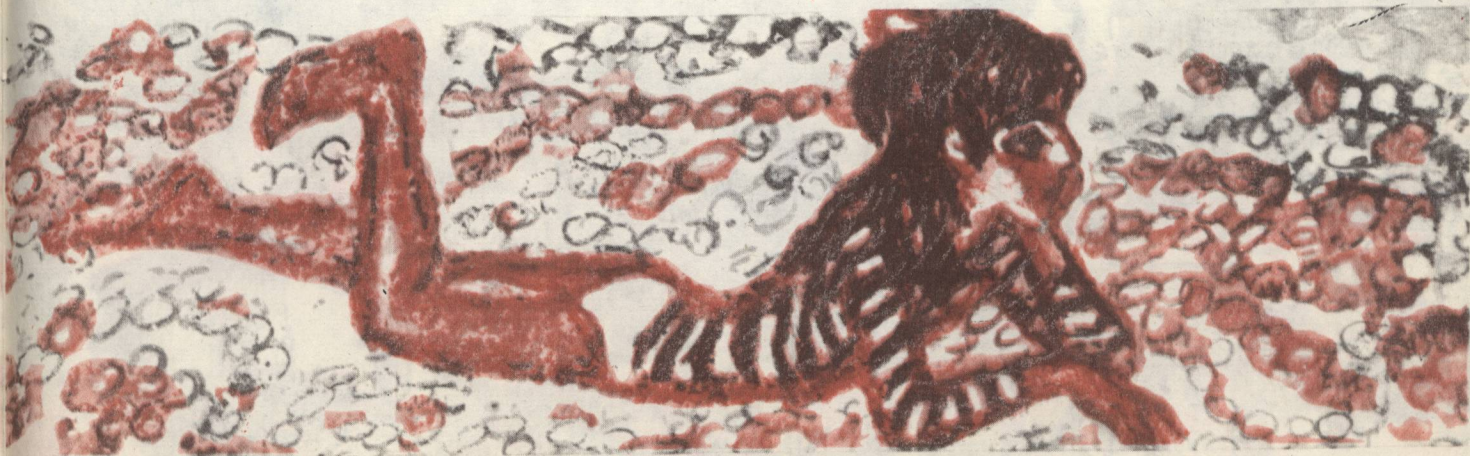
Тогда я стянул тельняшку через голову.

Натия подогнула ноги и села, глядя на меня с каким-то ужасом.

— Возьми. — Я подал ей тельняшку. — Она хорошая, уже застиранная и как настоящая. Я ее полгода носил.

Ее рука медленно протянулась, пальцы коснулись тельняшки и сжались, скомкав материю.

Мы с папой пошли мимо большого коровьего стада, пасущегося на сочной болотной траве, к Аджарскому шоссе. Я громко пел песни, а в небе сияло сверхчрезмерно жаркое полуденное солнце Грузии.

ЖИВАЯ ВОДА

НАШИ ВОПРОСЫ УЧЕНЫМ

— Кто поит океаны!

— Ну конечно же, реки. За год все вместе они могли бы наполнить десять таких морей, как Черное.

— А тучи и облака!

— Если отжать их все разом, то выльется еще три Черных моря воды.

— А если растопить льды Гренландии и Антарктиды!

— Для воды потребуются чаша, равная Средиземному морю.

— Сколько воды нужно человеку!

— Статистика утверждает: житель Вены ежедневно расходует 170 литров воды, Лондона — 230, Парижа — 290, Москвы — 350 литров. И это только один житель!

А для того, чтобы вырастить всего один килограмм пшеничного зерна, необходима почти тонна влаги. Для выплавки тонны стали ее требуется 25 тонн. Для изготовления тонны бумаги — 250 тонн, тонны синтетического волокна — 2500 тонн... И всюду вода нужна чистая, пресная.

Доктор биологических наук
Михаил Иванович
ВРУБЛЕВСКИЙ

Она существует. Существует не в сказках, а в жизни. И свойства у нее поистине чудесные.

Каждому из вас я предлагаю провести простой опыт.

Посадите на обыкновенной, лучше даже на плохородной земле три зеленых кустика.

Какие кустики? Безразлично. Это могут быть помидоры, клубника, смородина, крыжовник, словом, все что хотите.

Но посадите их не как попало, а на некотором расстоянии друг от друга. Это очень важно.

Один кустик поливайте простой колодезной водой.

Второй кустик — хоть раз в месяц! — минеральной.

А третий — той и другой вместе.

Если будете терпеливыми, то результаты не заставят себя ждать. Чудо вы увидите своими глазами.

А если о своих наблюдениях напишете мне в редакцию журнала, я постараюсь объяснить вам: что же, в конце концов, произошло.

Заранее отвечаю на вопрос: «Где взять эту живую воду?»

Минеральных источников у нас в

стране очень много. Только в Ленинградской области их насчитывается около двух тысяч. Самый известный — Полюстровский. И продается эта вода почти в каждом магазине. Словом, попросите папу с мамой купить вам для опыта несколько бутылок минеральной воды. Стоит она дешево, и я уверен, вам не откажут.

Но если случится так, что в магазине ее все-таки не окажется?

Ребятам, которые живут на берегу моря, я рекомендую поливать свои посадки морской водой. И могу добавить, что этот рецепт заслуживает не меньшего уважения. Тем более что и в магазин ходить не надо.

А для остальных ребят у меня будет другое задание. На мой взгляд, не менее интересное. Правда, для того чтобы его осуществить, нужно иметь подковообразный магнит.

В данном случае воду для поливки опытных растений следует небольшими порциями пропускать между полюсами этого магнита. Вот и все. Больше ничего от вас не требуется.

И снова, я это утверждаю, на ваших глазах произойдут удивительные вещи.

Какие? Пока секрет. Давайте пождем до осени.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

ЗАЖГЛИ МОРЕ

Целые моря, а точнее, огромные потоки загрязненной воды, идущей с бумажных комбинатов и углеобогатительных фабрик, теперь сжигаются. Для ее сжигания ученые Института горючих ископаемых придумали особые форсунки. И теперь отходы не выбрасываются в реки и водоемы, а стали топливом для котлов.

УСПЕХ УКРАИНСКИХ УЧЕНЫХ

В прудах одного киевского завода сегодня плавают лебеди. Самое примечательное, что завод этот чисто химический, а вода в прудах — это вода, которая прошла специальную очистку от производственных отходов.

Оформление А. Януса

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 20-й

ЧЕСТЬ, ОТВАГА, СКРОМНОСТЬ, ТРУД

Вход в подъезд найти не трудно: он украшен якорями. Над дверью надпись — «Детский морской клуб «Адмиралтеец». В этом доме юные моряки изучают навигацию, радиодело, занимаются в штурманском, судостроительном, судомodelьном кружках. Умеют они держать в руках и рубанок, и молоток, и стамеску: мореходные шлюпки клуба, на которых ребята ходят летом в походы, сделаны их руками.

С историей клуба можно познакомиться, взглянув на стенды с фотографиями. От первых дней, когда шефы-судостроители, инженеры и рабочие Ленинградского Адмиралтейского объединения, помогали создавать клуб.

А вот фотографии более поздние. Юные моряки в шлюпочном походе. В пионерском лагере «Адмиралтеец». В гостях у моряков-пограничников.

Капитан клуба — Владимир Васильевич Будюк. Но он капитан в свободное от работы время, а на работе — водитель в транспортном цехе. А главный боцман клуба, Георгий Федорович Втюрин, — бригадир сборщиков-достройщиков судов. Сварщик Юрий Александрович Поляков обучает ребят флажному семафору. Вот какие у ребят шефы.

Однажды на встречу с юными моряками пришел старпом с заводского буксира «Судостроитель» Олег Михайлович

Захаров. Познакомился с ребятами получше и стал в клубе своим человеком. Передал он юным морякам семейную реликвию — кормовой флаг боевого корабля, на котором воевал он в годы Великой Отечественной войны. Теперь этот флаг хранится в «Адмиралтейце» как самый драгоценный подарок...

Отличные, дружные ребята в морском клубе. Их девиз — «Борьба, отвага, скромность, труд». А это значит: жить, учиться и трудиться как их шефы и старшие друзья — судостроители.

Спецкорр «Морской газеты»
Ж. ТАЙЦЛИНА

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

БУДУЩИЕ ПОДВИГИ

„ГЕРАКЛА“

Удивительным судном пополнен советский флот. Оно может тушить пожары, поднимать грузы с затонувших кораблей, опускаться под воду водолазов, снимать с мели и буксировать попавшие в беду суда. Оно имеет быстрый ход и мощные машины. Оно непотопляемо и не боится штормовых волн. Недавно назвали это судно-спасатель „Гераклом“. „Гераклу“ и предстоит совершать на море добрые подвиги.

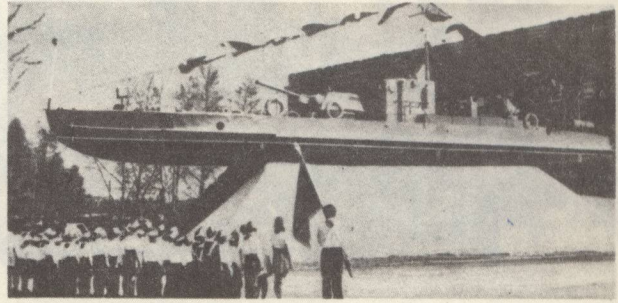
БРОНЕКАТЕР-ПАМЯТНИК

Нашим отрядом следопытов много лет руководит Алексей Александрович Чхеидзе, моряк, участник освободительного похода по Дунаю на бронекатерах. Эти корабли в годы Великой Отечественной войны стали легендарными.

Мы решили узнать, не сохранился ли где-нибудь такой бронекатер! Помогли нам красные следопыты Перми. Они прислали фотографию бронекатера № 181, который стал памятником. Этот бронекатер был построен в Перми в годы войны на заводе «Кама» и закончил войну в Германии, когда был разгромлен фашизм.

Жаль только, что Алексей Александрович не может видеть эту фотографию: в последние дни войны взрыв фашистской мины навсегда ослепил его...

Члены отряда «Поиск»,
г. Данки Московской обл.

Пионерская линейка у памятника

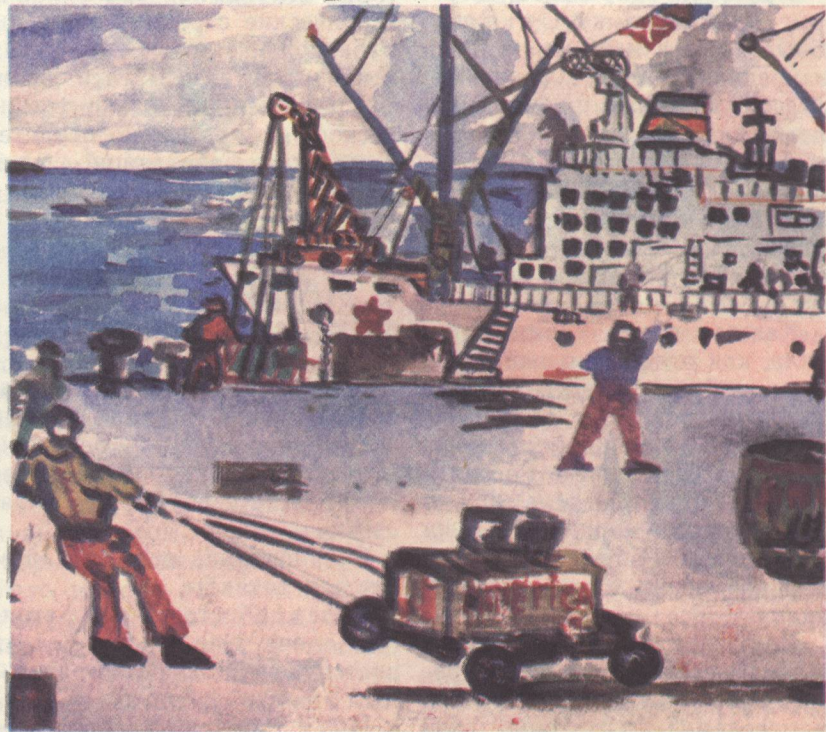
СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

«Я читала, что Шпицберген гораздо раньше Баренца открыли русские рыбаки-поморы и назвали по-своему — Грумант. Есть ли у Шпицбергена другие названия? Когда эти названия возникали?»

Света Степанова, г. Пушкин

Отвечает доктор исторических наук профессор Михаил Иванович Белов: «Действительно наименование архипелага Шпицберген на картах менялось неоднократно. У русских поморов, о которых ты, Света, пишешь и которые плавали туда еще в XIV—XV веках, он назывался Грумант, или Грунт, или Груландская земля. Затем на картах западноевропейских географов, полагавших, что он — суть часть полярного материка и одно целое с Гренландией, появились надписи «Грунланд» или «Груланд». И, наконец, после того как было выяснено, что это группа самостоятельных островов, за архипелагом закрепилось самостоятельное название, данное ему Виллемом Баренцем — «Шпицберген», то есть «Земля остроконечных гор»...

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

В ОДЕССКОМ ПОРТУ

Вова Сухомлинов, 12 лет, Одесса

Объявление

Саратовское море — искусственное. Недавно там поймали „зайца“. Назвать себя „заяц“

не захотел. Для опознания вызвали ученых-ихтиологов. „Заяц“ оказался черноморской иглой-рыбой. Приехал он на корабле вместе с рачками-мизи-

дами, которых привезли засе- лять Саратовское море. „Заяц“ отправлен обратно в банке с водой. О поимке новых „зайцев“ просим сообщать!

Подводные разговоры

— Батюшки! Это кто плывет? Вроде бы рыба, а рога торчат... Акула!
— Я самая и есть, дельфин...
— Уж, верно, успела позавтракать?
— Как сказать... Ела много, — а

сытости никакой... А что ела-то? За кораблем плыла, боцман пару старых сапог выбросил — проглотила... В порт заскочила, повертелась, нашла моток веревки — съела... Да еще с берега кто-то оленью голову швырнул. И ее — в пасть. Да вот толком заглотить не могу, рога торчат...
— А ты, акула, выплунь!

— Не могу. Зубы у меня так уж устроены: в глотку — все, а обратно — ни-ни!

Яков ДЛУГОЛЕНСКИЙ

НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ

«Овечка», «щука», «кукушка», «уточка»...
Что это?

Прозвища паровозов, которые неизвестно кем и когда были даны и навечно за ними закрепились. Хотя, конечно, железная «овечка» ничем не напоминала настоящую овцу, а железная «уточка» — водоплавающую птицу. «Овечка» — это всего-навсего паровоз серии «О». «Кукушка» — паровоз серии «К». «Уточка» — паровоз серии «У».

Каждая новая серия получала, как отличительный знак, одну из букв русского алфавита. А так как букв в русском алфавите не слишком много, а паровозостроение в России в конце прошлого века бурно развивалось, скоро стало букв не хватать. И появился даже паровоз серии «Ъ» — твердый знак.

И «овечки», и «щуки», и «кукушки» — каждый в свое время — были первоклассными паровозами (достаточно сказать, что многие зарубежные фирмы строили свои локомотивы по типу русских). Но, старея потихоньку, и «овечки», и «щуки» уступали главную колею своим более мощным собратьям, продолжая нести

службу в качестве скромных маневровых паровозиков. Мое поколение еще застало их. Но мало кто из нас знал, какие героические страницы вписаны в биографии этих стареньких «тихоходов» — ведь они были участниками не только технического прогресса, но свидетелями трех революций, дней мира и войны...

КНЯЗЬ ХИЛКОВ И МАШИНИСТ УХТОМСКИЙ

В 1905 году, когда московские рабочие восстали против самодержавия, их земляки-железнодорожники в знак солидарности объявили забастовку.

Остановились поезда. Обезлюдели вокзалы.

Перед забастовщиками стояла задача — не пропустить к восставшей Москве карательные отряды.

И все-таки два паровоза серии «У» в эти дни действовали.

На одном из них из Петербурга в Москву прибыл министр путей сообщения князь Хилков — уговаривать железнодорожников прекратить забастовку.

На другом машинист Алексей Владимирович Ухтомский по поручению штаба восстания доставил рабочим боеприпасы.

Трижды паровоз Ухтомского был обстрелян. Однажды возле самой Москвы попал в засаду. Но задачу выполнил.

Министра никто не обстреливал, но своей задачи он не выполнил: железнодорожники отказались прекратить забастовку.

Разгневанный министр поспешил вернуться в Петербург. Вот он подошел к своему министерскому поезду, вот привычно сказал: «Можно ехать» — и тут выяснилось, что ехать, собственно, некому: паровозная бригада, доставившая министра в Москву, забастовала.

Никакие уговоры и угрозы не подействовали.

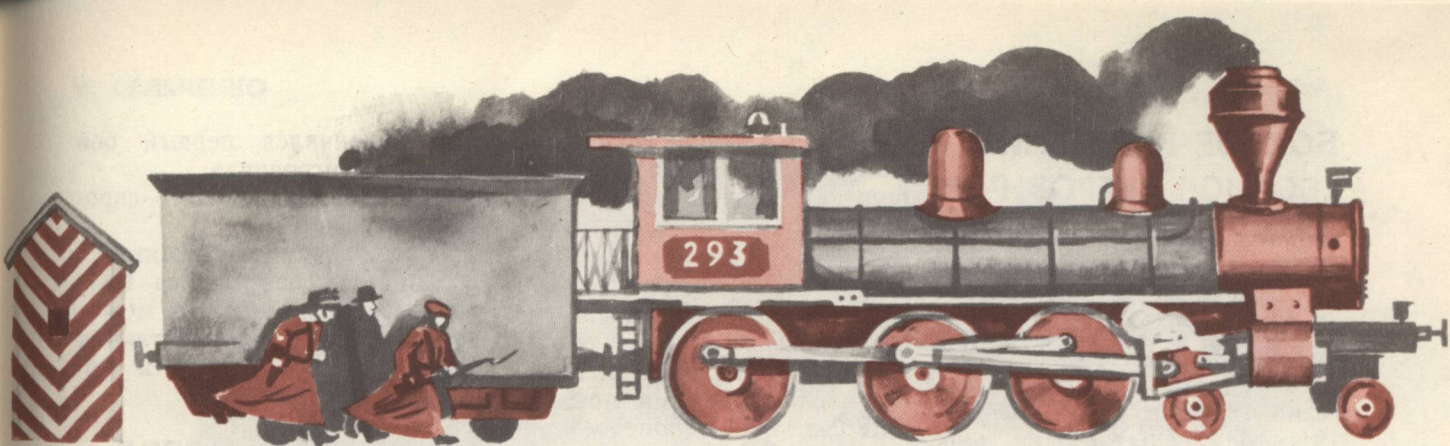
Московское восстание было жестоко подавлено. В числе других был схвачен и машинист Ухтомский. Перед казнью ему обещали помилование, если он выдаст своих помощников.

Ухтомский отказался.

ПАРОВОЗ № 293

Тот, кто был на Финляндском вокзале, хорошо знает этот паровоз. Рядом с совре-

ИЗ ЖИЗНИ ПАРОВОЗОВ

Рисунки Н. Андреева

менными локомотивами он кажется по-игрушечному маленьким.

Судьба его удивительна.

Он был построен в городе Ричмонде (США) ровно семьдесят пять лет тому назад. В 1913 году его купило Управление Финляндских железных дорог, и он курсировал между Петербургом и станцией Райвола. Бессменным машинистом его до 1918 года был Гуго Эрикович Ялава.

В 1917 году, скрываясь от Временного правительства, Владимир Ильич Ленин должен был уехать в Финляндию. Но сделать это открыто он не мог: его хорошо знали ищейки Временного правительства. Оставался один путь — переправиться через границу нелегально.

В ночь с 9 на 10 августа на станции Удельная остановился пассажирский поезд, идущий в Финляндию. К паровозу, стоявшему в голове поезда, быстро подошел невысокий коренастый человек, легко взобрался в паровозную будку, приветливо поздоровался с машинистом и его помощником и заступил на место паровозного кочегара.

Через несколько часов поезд

благополучно пересек границу Финляндии.

Так Владимир Ильич Ленин впервые познакомился с паровозом № 293.

А через два месяца (7 октября 1917 года) на этом же паровозе Ленин вернулся в Петроград — готовить Октябрьское вооруженное восстание.

Дальнейшая судьба паровоза такова.

Весной 1918 года 293-му здорово не повезло — он попал в крушение и был отправлен на товарную станцию Финляндского вокзала, в тупик, дожидать свой век в компании еще нескольких таких же неисправных паровозов.

Но два года спустя на коммунистическом субботнике Октябрьской железной дороги было решено отремонтировать и вернуть в строй один из паровозов, стоявших в тупике. Ремонтники пришли на товарную, оглядели больные паровозы и... выбрали паровоз № 293!

Выбор этот был не случайным, хотя никто не знал, что 293-й связан с именем Ленина. Просто один из ремонтников был знаком с Гуго Эриковичем Ялавой, помнил номер паро-

воза, на котором тот работал, и теперь, увидев 293-й, предложил его починить...

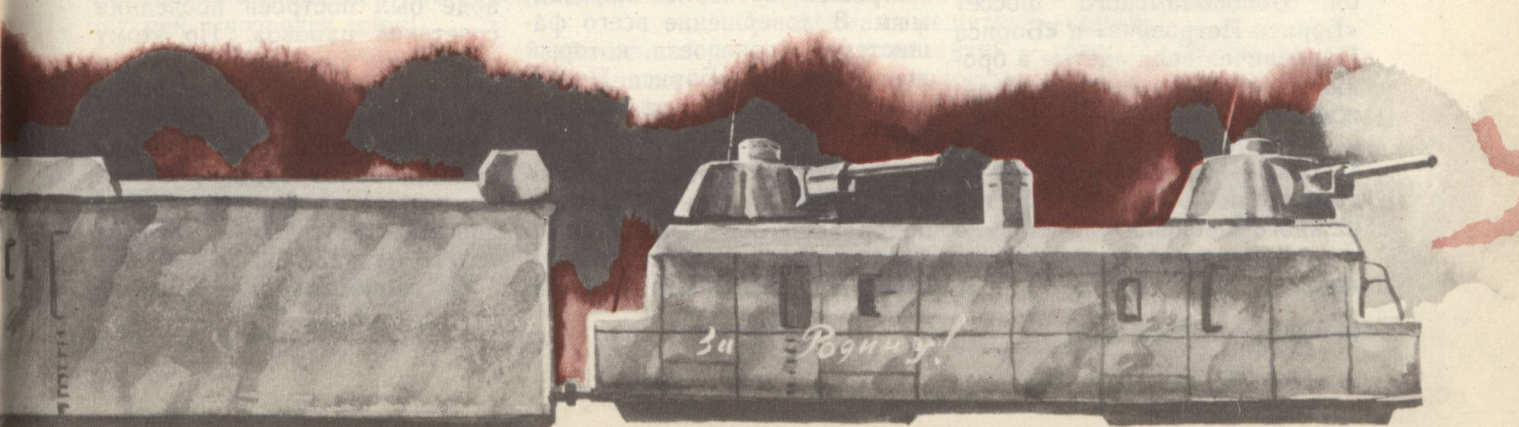
1 мая 1920 года паровоз совершил свой первый после ремонта пробег. Вел его В. М. Виролайнен.

До 1924 года паровоз доставлял в Петроград поезда с хлебом: из Сибири, Украины, Северного Кавказа. Но в 1924 году вместе с другими паровозами, принадлежавшими Финляндии, был передан финскому правительству.

И после этого след его на долгие годы теряется.

В 1947 году в составе советской делегации в Финляндию приехал последний машинист 293-го В. М. Виролайнен. Уже зная к этому времени историю ленинского паровоза, Виролайнен на всякий случай взял с собой фотографию 293-го и, не очень надеясь на успех, показал ее финским железнодорожникам. И тут, к его великой радости и удивлению, оказалось, что 293-й по-прежнему жив-здоров и водит пригородные поезда на станцию Тампере!..

А спустя десять лет легендарный ленинский паровоз встал на вечную стоянку в Ленинграде.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ «БОРИСА ПЕТРОВИЧА»

Они были родными братьями, хотя отчества у них оказались разные: одного звали «Борис Петрович», другого — «Борис Павлович». Оба родились в стенах московского железнодорожного депо в военном 1941 году. Оба в один день получили первое боевое задание.

«Борис Петрович» был бронепоездом, и «Борис Павлович» тоже был бронепоездом. Имея на собственные им дали для сохранения военной тайны.

Строили их на деньги, собранные московскими и воронежскими пионерами. Так что «Борис Петрович» был коренной москвич, а «Борис Павлович» свою родословную вел из славного города Воронежа.

Время от времени в адрес Московского депо приходили взволнованные телеграммы: «Сообщите здоровье Бориса Петровича». Или: «Скоро ли выйдет на работу Борис Павлович?» Эти телеграммы присылали воронежские и московские пионеры, эвакуированные во время войны в другие города. И московские железнодорожники отвечали: «Здоровье Бориса Петровича прекрасное. На днях вместе с Борисом Павловичем выходит на работу».

... Что такое бронепоезд, вы все, конечно, знаете: обычный состав, закованный в бронированные плиты и вооруженный. Но не все знают, что первые бронепоезда появились еще в 1871 году. Их построили парижские рабочие-коммунары. Только назывались тогда бронепоезда «панцирными поездами».

...К месту назначения (район Волоколамского шоссе) «Бориса Петровича» и «Бориса Павловича» вели одетые в броню паровозы «Феликс Дзержинский» (сокращенно «ФД») и «Серго Орджоникидзе» («СО») — самые мощные по тому времени. Причем в состав каждого бронепоезда входило по два паровоза (один про запас).

Именно в районе Волоколамского шоссе «Борис Петрович» получил первое свое боевое крещение.

Первым заметил появление «Бориса Петровича» фашистский самолет-разведчик. А спустя некоторое время пять фашистских самолетов пытались бомбовыми ударами прервать путь советского бронепоезда.

Один самолет «Борис Петрович» сбил. Второй получил повреждение. Остальные убрались. Но железнодорожное полотно было разрушено. Тут «Бориса Петровича» нащупала фашистская дальнобойная артиллерия.

Когда под огнем паровозная бригада вместе с бойцами починила поврежденное полотно, командир бронепоезда отдал команду: отойти по восстановленному полотну немного назад, а дорогу впереди заминировать.

Сделано это было вот зачем. Командир знал, что в этом районе у фашистов тоже действует бронепоезд. Кроме того, фашисты наверняка думали, что под обстрелом и бомбежкой разрушенное полотно не восстановит, а значит, путь к отступлению у советского бронепоезда отрезан, бронепоезд попал в ловушку. Сейчас его обработает дальнобойная артиллерия, затем опять прилетят самолеты, а потом, что останется, можно будет отдать на закуску подоспевшему фашистскому бронепоезду...

Поэтому командир «Бориса Петровича» сам приготовил фашистам ловушку.

И все получилось так, как предугадал командир.

Действительно, дальнобойная артиллерия стреляла. Самолеты бомбили. А «Борис Петрович» оставался неуязвимым. В довершение всего фашистский бронепоезд, который шел добивать «Бориса Петровича», подорвался на заминированном участке пути.

И вот тут «Борис Петрович» сам пошел в атаку. Скоро от подорвавшегося фашистского бронепоезда осталась только груда искореженного металла.

Так закончился первый бой «Бориса Петровича».

А «Борис Павлович»? — спросите вы.

К сожалению, сведений о военной судьбе «Бориса Павловича» у меня нет. Но, может быть, эти сведения попытаются разыскать воронежские и московские следопыты?..

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД

К 29 августа 1941 года Мга оставалась единственной железнодорожной станцией, связывающей Ленинград с Большой землей. 29 августа эта связь прекратилась: Мга была разрушена.

И все же в тот день из Мги прибыл в Ленинград последний поезд. Вел его не профессиональный машинист, а человек, всю свою жизнь ведавший водоснабжением. Фамилия его была Чмутов.

Разумеется, работая на железной дороге, к паровозам он пригляделся. Даже знал в общих чертах, как они устроены, но никогда их не водил. И вот теперь ему предстояло вывести из разрушенной Мги состав с ранеными, потому что те, кто мог водить паровоз, были убиты.

Спокойно, будто делал это всю свою жизнь, он поднялся в паровозную будку, повернул рычаг регулятора, и состав медленно тронулся с места.

Многие потом удивлялись: ведь человек не знал ни профиля пути, ни станций — однако привел поезд в Ленинград!

А человек, отшучиваясь, говорил: «Так-то оно так, но ведь паровоз много раз бегал из Ленинграда во Мгу, он-то ведь знал дорогу?!»

... В 1956 году на Коломенском паровозостроительном заводе был построен последний советский паровоз. По этому случаю на паровозе была укреплена прощальная памятная дощечка. С тех пор паровозы больше не строят. Им на смену пришли более мощные и экономичные электровозы и тепловозы, биография которых только начинается.

На ваших глазах.

УКРОТИТЕЛЬ

РАССКАЗ

Однажды пришлось нам спасать диких зверей. Загорелся цирк!..

На машинах въезжаем в хозяйственный двор. Суматоха! Одни тащат из помещений цирковые костюмы, другие — мебель, несколько человек бегают с ведрами. Пожар рядом с клеткой. От ужасного львиного рыка дыбом поднимаются волосы!

Укротитель с пистолетом в руке подбегает к нашему командиру Аркадию Семеновичу.

— Надо их застрелить! Надо их застрелить! Они сломали решетку! — кричит.

— Так стреляйте! — говорит командир.

— У меня холостые патроны.

— Тьфу! — Аркадий Семенович даже сплунул. — Не мешайте работать.

Укротитель за голову схватился и убежал.

А мы уже проложили рукавную линию для подачи воды, спешим; дикие звери в дыму погибают быстрее людей.

Тут видим, наш Григорий Беда запирает ворота и бегом — в помещение. Аркадий Семенович — следом. Только к дверям... и отскакивает... Из дверей один за другим появляются львы.

Следом за ними — Гриша Беда. Хватает одного за гриву и говорит:

— Сидеть, тебе говорят! И ты — сидеть! Кыш! Кыш!

И лев вдруг... подчиняется. Львица оцетинила было шерсть, но чихнула и тоже присела. За ней — остальные.

— Спокойно, — говорит Беда. — Без паники!

Львы трут лапами морды, а Григорий возвращается в цирк и выходит уже с обезьяной. И тут мы видим — пальцы обезьяны сжимают... коробочку спичек!

Появляется укротитель с пистолетом.

— Я патроны, — кричит, — нашел! Отойдите от хищников, гражданин. Иначе я за вашу жизнь не ручаюсь! — Это он Беде.

А Гриша показывает ему коробок и спрашивает:

— Ваш?

— Мой...

Сказал укротитель и побледнел. Даже пистолет уронил. А львы увидели его без пистолета и вовсе рычать перестали.

Тем временем мы затушили пожар. Из всех окон — дым, но цирк цел. Горела солома.

После этого случая Гришу Беду месяц звали «укротителем».

А на вопрос, почему он не испугался львов, Гриша отвечал:

— Я их узнал — они в кино снимались. Ручные.

Правда, укротитель уверял, что его львы в кино не снимались ни разу. Наверно, запомнил!

Братья Паша и Дима Поляковы на заготовке сена

По дороге на ферму совхоза „Сяглицы“

ПЯТУЮ

Вова Крыжановский — хороший дояр

ЧЕТВЕРТЬ—НА ОТЛИЧНО

Лето в разгаре.

Вышли вы в поле, слышите, гудит трактор, всматриваетесь — за рулем ваш ровесник, следом за трактором идут мальчишки и девчонки, заняты прополкой.

Сотни пионеров и комсомольцев Ленинградской области выполняют задания пятой, трудовой четверти. На колхозных полях и фермах.

Во многих совхозах Ленинградской области ребятам доверяют ответственные задания: закрепляют за ними участки земли и сельскохозяйственную технику. И ребята не подводят.

Урожайность силосных культур на полях юных полеводов Алевшинской средней школы Лодейнопольского района высока.

Не отстают от сельских ребят и городские.

Не первый год они работают на полях совхоза «Орлинский».

— Я вспоминаю, — рассказывает секретарь партийного бюро совхоза Н. М. Огурцова, — как недоверчиво выслушали мы предложение наших шефов, комсомольцев Московского района. Они просили нас принять отряд ленинградских ребят. Да ведь городские к сельскому труду не приучены, как-то станут они работать?

Опасения наши были напрасными. Потрудились юные помощники на совесть. Лучшим вручены почетные грамоты совхоза.

В совхозе «Сяглицы» Волоховского района несколько лет работает ученическая производственная бригада Большеврудской средней школы — будущие животноводы, механизаторы, полеводы. Зимой

они изучают основы животноводства, устройство сельхозмашин, а летом проходят практику на полях и фермах совхоза.

Весной ребята на отведенном участке ведут вспашку, сажают корнеплоды, а летом трудятся на фермах совхоза. Стараются догнать взрослых, брать с них пример! Звено механизаторов в прошлом году заготовило около двухсот тонн картофеля, группа юных животноводов надоила тысячи килограммов молока.

— И животных очень любим, и работа наша нравится нам, — говорят юные доярки Валя Павлова, Надя Алексеева, Валя Ершова.

По-ударному трудятся школьники и летом.

Т. КАМЧАТОВА
Фото М. Дмитриева

ПРО ЖЕРЕБЕНКА МИШУ

СКАЗКА

Радий ПОГОДИН

Рисунки Т. Капустиной

Как жеребенок Миша вышел из города

Жеребенок Миша вышел из города. Побежал по полю и увидел холм.

— Интересно, — подумал жеребенок Миша, — что там, за холмом?

Обошел холм и увидел перед собой холм.

— Интересно, — подумал он. — Что же там за холмом?

Еще раз обошел холм и опять увидел перед собой — холм.

Жеребенок Миша крепко задумался.

— А может быть, холм для того и стоит, чтобы оно было что-то там, за холмом.

И когда Миша домой шел, то, оглядываясь, он видел холм. И оно было, что-то там, за холмом.

Как жеребенок Миша испытал разочарование

Мише дали самокат — покататься. Встал Миша на самокат. Стоит ждет. Долго стоял. Прохожие спрашивают:

— Миша, чего ты стоишь?

— А он почему-то не едет, — отвечает им Миша. — Самокат, а не катится.

— Он и не покатится, — объясняют ему. — Нужно ногой отталкиваться, тогда покатится.

— Что же это за самокат, если нужно ногой отталкиваться? Это неправильно, — сказал Миша. — Это обман и разочарование.

Прохожие стали смеяться. А в небе летел самолет.

— Вот самолет, — сказал им Миша. — Это правильно. На нем ногой отталкиваться не нужно. Самолет — сам летит.

Жеребенок Миша вернул самокат.

— Я лучше без самоката побегаю, — решил он.

Как жеребенок Миша побил рекорд

Однажды жеребенок Миша гулял в самой запущенной части городского парка на берегу реки. Посетителей здесь не было. Жеребенок Миша с удовольствием бегал и на ходу рвал цветы. Вдруг он услышал:

— Осторожнее: не наступи на меня, пожалуйста.

Жеребенок Миша посмотрел себе под ноги и увидел черепаху. Она медленно ползла по траве и, как показалось Мише, скучала.

— Чего ж ты так медленно ходишь? — сказал жеребенок Миша. — Давай я научу тебя быстро бегать. На медленной скорости ты ничего не увидишь.

— Ты заблуждаешься, — сказала ему черепаха. — Это ты ничего не увидишь на твоей большой скорости. Одно мелькание. Что для тебя цветы? — трава, которую можно есть на ходу. А для меня каждый цветок откровение.

Поскольку Миша был жеребенком воспитанным и привык уважительно относиться к мнению старших, а черепаха была безусловно старше его лет на сто, он наклонился к самой земле и принялся во все вглядываться.

Действительно, даже синие цветки все были разные. Один посветлее, другой поузористее, третий отливал фиолетовым. И в каждой цветке копошилась жизнь. Маленькие мошки, старательные жучки, ленивые козявки. Под травой лежали разноцветные мелкие камушки. На стеблях сверкала не высохшая еще роса. А в травяные заросли вели тропки. Все это явилось так неожиданно, что жеребенок Миша позабыл гулянье, скаканье, беганье. Он шагал очень медленно и всюду совал нос, чтобы все разглядеть поближе. Таким образом он и наткнулся на серебристый шар, в котором происходило гудение.

«Что за цветок такой?» — подумал Миша, шевельнув серебристый шар носом.

Звук в шаре тотчас усилился. И в Мишин нос впились сто ядовитых иголок.

Жеребенок Миша подпрыгнул. Жеребенок Миша побежал в испуге. А сзади что-то гудело, настигало его и жалило. Летел за ним, серебристый сердитый шар и колот его и обжигал ему спину.

Жеребенок бежал со всех ног. Но и шар не отставал. Один раз он кольнул жеребенка так больно и ядовито, что жеребенок Миша взвился в воздух от боли. А когда опустился на землю, то услышал громкие крики и аплодисменты.

— Молодец, жеребенок Миша! Ты установил мировой рекорд. Слава жеребенку Мише! Миша увидел, что находится на стадионе и вокруг много зрителей.

К жеребенку Мише уже бежали судьи с красивым дипломом и золотой медалью.

— Спасибо, Миша, — говорили они. — Ты принес честь и славу нашему городу. Это был великолепный прыжок. Честь и слава твоим замечательным сильным ногам.

— Увы, — сказал жеребенок Миша. — Честь и слава черепахе, которая медленно ходит.

Все, кто был на стадионе, отнеслись к этим словам как к шутке. Известно, что чемпионы всегда шутят не лучшим образом.

Как жеребенок Миша познакомился с мышонком Терентием

Жеребенок Миша бродил внутри крепости, где многочисленные туристы впопыхах изучают памятники старины. И вдруг увидел двух настоящих грубых разбойников. Разбойники были с оттопыренными карманами, в очках темных, башмаках неслышных. Они озирались по сторонам, втягивали головы в плечи

и говорили непонятно, как говорят все настоящие грубые разбойники.

— В том углу темном. Торчок! Карамба! — говорил главный разбойник обветренным голосом.

— Разрази меня гром! Расколи меня молния! — хищно хрипел помощник.

Разбойники направились в дальний угол крепости, как будто гуляют. И жеребенок Миша за ними неслышно пошел. А когда разбойники остановились, жеребенок Миша сделал вид, что жует листочек сирени и ничего не видит. Разбойники нашли в траве небольшой белый камень-валунок. Причем главный разбойник все время смотрел в некий поблекший чертеж.

— Здесь, — сказал он. — Под этим вот камнем. Сегодня в непроглядную полночь. Время не ждет. Тучи сгущаются. Тараканчук! Чистоган!.. Как ты думаешь, этот жеребенок не подглядывает за нами?

— Разорви меня ветер! Наверное, нет. Он глупый, он листочек жует. Гром и молния! На всякий случай скажем ему, что мы археологи.

— Мы археологи, — сказали они жеребенку Мише и, довольные, смешались с толпой туристов.

Миша подошел к белому камню полюбопытствовать и увидел, что на камне сидит мышонок.

— Спокойно, — сказал мышонок. — Я все видел и слышал. Меня Терентием зовут. А ты жеребенок Миша. Что будем делать?

— Скажем милиционеру товарищу Марусину.

Мышонок задумался. Носом подергал.

— А вдруг тут головка сыра закопана! Большая-большая.

— Вдруг, — кивнул жеребенок Миша. — А может, большая-большая морковка.

Они оба знали, что в старинных кладях не бывает ни сыра, ни тем более морковок. Но уж так им хотелось.

— Давай выкопаем сейчас же, — предложил жеребенок Миша.

— Ни в коем случае.

Мышонок Терентий объяснил, что клады нужно выкапывать исключительно когда стемнеет. Днем производят научные раскопки, а это другое дело. И предложил выкопать клад в половине одиннадцатого, чтобы разбойников опередить.

— А как же они? — воскликнул жеребенок Миша. — Они же уйдут. Увидят, что клад уже выкопан и скроются в неизвестном направлении. Их же схватить нужно!

Мышонок Терентий одобрил. Сказал:

— Ты голова. Я не подумал. Сейчас подумай.

Хотя в мировой литературе составилось о мышатах не очень лестное мнение как о существах робких, но, справедливости ради, нужно сказать, что встречаются среди них ребяташки отчаянные.

— У меня план созрел! — Мышонок Терентий стукнул себя по лбу. Изложил свой план. И скомандовал: — Вперед! Встречаемся здесь по плану!

И они на цыпочках разбежались.

Когда стемнело, жеребенок Миша и мышонок Терентий пришли в крепость, где клад закопан, с горшком глиняным и лопатой. Они выкопали яму в сторонке от белого камня. Мышонок Терентий залез в горшок глиняный. Жеребенок Миша завязал горшок рваной от старости тряпкой, поставил его в яму и закопал. Потом он прикатил на новое место камень-валунок, залез под куст и принялся терпеливо, по плану, ждать. Он все думал, как, наверное, тяжело ждать мышонку в горшке. Наверное, ему воздуха мало.

Но ждать им пришлось недолго. Как только наступила глухая полночь, в дальний угол крепости прокрались настоящие разбойники в бесшумных башмаках. Они грубо пошептались, выхватили из оттопыренных карманов

складные лопаты и принялись быстро копать.

Наконец они откопали горшок и завизжали от радости. Выхватили складные ножи, расправили тряпку и одновременно сунули в горшок свои разбойничьи носы.

Тут и случилось самое главное.

Мышонок Терентий подпрыгнул в горшке и вцепился в нос главному разбойнику. Оттолкнулся лапами и вцепился в нос разбойниковому помощнику.

Разбойники завопили не своими голосами. Мышонок Терентий закричал:

— Стреляй!

Жеребенок Миша лягнул разбойников, обоих сразу. Причем он командовал как бы:

— Хватай! Вяжи! Не стесняйся!

Разбойники так испугались, откуда у них только прыть взялась — перепрыгнули крепостную стену и уже через минуту были в отделении милиции, где просили убежища, хоть за решеткой, но крепкого. Грубые разбойники всегда так поступают, когда им страшно.

А жеребенок Миша и мышонок Терентий прикатили белый камень-валунок на старое место. Подобрали разбойничьи складные ножи и лопаты и старинный чертеж, который разбойники обронили в страхе. И пошли к милиционеру товарищу Марусину, чтобы все это ему передать.

— Ах, — говорил мышонок Терентий. — Там, конечно, такая большая-большая головка вкусного свежего сыра. Красная, как солнышко на закате.

— Ах, — говорил жеребенок Миша. — Там, конечно, такая большая-большая морковка, сочная и ароматная, как апельсин.

Они знали, что в старинных кладях ничего подобного не бывает. Но уж так им хотелось...

Как жеребенок Миша затосковал

Жеребенка Мишу очень огорчило то обстоятельство, что у него фамилии нет. Миша и все. Была в этом деле какая-то тайна. Однажды жеребенок Миша подошел к милиционеру товарищу Марусину и спросил:

— Скажите, пожалуйста, откуда у вас такая фамилия — Марусин?

Милиционер улыбнулся, фуражку поправил.

— Как откуда? У меня дочка Маруся. Значит, я чей?

— Марусин, — догадался жеребенок Миша. — Марусин папа.

— Так точно. — Милиционер товарищ Марусин отдал жеребенку честь и пошел покупать новую куклу своей дочке Марусе.

Жеребенок Миша затосковал. Был он один в городе Новгороде. Откуда ему фамилию взять? Но проезжавший мимо шофер помахал ему из кабины рукой. Крикнул:

— Не горюй, жеребенок Миша, у тебя еще все впереди!

Заглянем в прошлое. В 20-х годах жители наших городов видели аттракцион «Чудеса теней». Его необычность и таинственность поражали. В кассе, вместе с билетом, выдавались очки — картонные рамки с разноцветными пленками. Гаснет свет, и на экране появляется тень клоуна. Всех просят надеть очки, и начинаются настоящие чудеса. Зрители видят уже не обыкновенную тень, а объемную. Между рядами ходит клоун и смешит зрителей. Выходит жонглер, бросает мячи в зал. Появляется паук. Он медленно отделяется от экрана и, все увеличиваясь в размерах, приближается к публике. Вот он уже висит у нас над головами и шевелит огромными лапами. Но стоит только снять очки, и паук исчезает. Вместо него на экране — две разноцветные тени. А в чем же секрет «чудесных теней»? Об этом узнаете, если прочтете книгу Ф. В. Рабизы «Техника твоими руками». И не только узнаете, но и сможете устроить театр объемных теней у себя дома.

Еще вы прочтаете в этой книге, как построить вертолет из обыкновенной катушки, кусочка жести и пары гвоздей. Как устроить простейшую паровую машину и даже как сделать реактивный двигатель. Книга Ф. В. Рабизы не только расскажет, как из подручных материалов построить различные модели машин и приборов. Вы узнаете о вреде и пользе трения, о том, как металл «устает», о тайне прочности и многих других загадках техники.

Книга «Техника твоими руками» вышла в серии «Знай и умей» библиотечки пионера, выпускаемый издательством «Детская литература».

Г. ПОЛЯКОВА

СПОРТ ДЛЯ

САМООТВЕРЖЕННЫХ

Считанные дни остались до начала Олимпийских игр 1976 года. Олимпийский год — всегда урожайный для спорта: новые имена, новые рекорды. И тысячи, тысячи спортсменов-новичков.

Корреспондент «Костра» встретился с заслуженным мастером спорта СССР, чемпионом мира по современному пятиборью Павлом Серафимовичем **ЛЕДНЕВЫМ**. Павел Серафимович — олимпийский чемпион 1972 года в командном зачете.

ВОПРОС. Кто будет главным конкурентом нашей команды в Монреале?

ОТВЕТ. На всех последних олимпиадах побеждала либо советская, либо венгерская команда. Через раз. В Мельбурне, Токио и Мюнхене победителями стали советские пятиборцы, в Риме и Мехико — венгерские. Получается, что

теперь — очередь наших венгерских друзей... Но мы, конечно, постараемся эту традицию нарушить. Впрочем, сильные пятиборцы появились за последнее время и в других стра-

нах: англичане, шведы, американцы, французы. Борьба будет очень трудной.

ВОПРОС. Часто вам бывает трудно?

ОТВЕТ. Всегда трудно. Вот, например, фехтование. Пятиборцы фехтуют на шпагах, на весь бой дается три минуты, и победа присуждается после первого же укола. Тут важно не поддаваться торопливости, желанию скорее закончить бой. Хочется атаковать без расчета, а надо точно рассчитывать, надо переиграть противника. Это борьба нервов.

ВОПРОС. А страшно вам бывает?

ОТВЕТ. Конечно. Страшно, когда первый раз садишься на незнакомую лошадь. А потом первый раз берешь на ней высокое препятствие. Приходится прыгать на лошади в воду, с обрыва. Это тоже страшно. Да ведь и к зубному врачу идти тоже страшновато. Кстати,

Олимпийская **МОЗАИКА** ★

Оформление Б. Петрушанского

XXI Олимпийские игры будут проходить в канадском городе Монреале с 17 июля по 1 августа 1976 года.

В играх будут участвовать спортсмены из ста стран. Они вступят в соревнование по 21 виду спорта.

Время проведения Олимпиады определено с помощью электронно-счетных машин. Машины исследовали данные о погоде в Монреале за последние 90 лет и определили творчески наилучшие сроки. Предполагается, что средняя температура воздуха в дни Олимпиады будет 21,6 градуса тепла, влажность воздуха — 58 процентов, скорость ветра — 4,3 метра в секунду.

если зубы не в порядке, они могут вывести спортсмена из строя как раз накануне ответственного старта. Страшно — а надо. Вот и преодолеваешь себя, прыгнешь через препятствие раз, другой, становится легче.

ВОПРОС. Что такое сила воли, как по-вашему?

ОТВЕТ. Умение заставить себя делать то, чего не хочется. Не всегда, например, хочется утром выбегать на зарядку. Или бегать кроссы. Бежишь по шоссе, а тут грязь, снег, машины едут. Или очень устанешь во время тренировки, а тебе полагается бежать еще круг, еще, а то и скорости прибавить. Как тут без силы воли?

ВОПРОС. Сила воли, крепкие мышцы — что еще нужно спортсмену?

ОТВЕТ. Разумеется, знания. Мне очень помогает мое высшее физкультурное образование. Бывает, что здоровье как

будто в полном порядке, а нужных результатов нет. В таких случаях знающий спортсмен может хорошо помочь тренеру. Потому что глубоко понимает, как устроен и работает человеческий организм.

В большом спорте сейчас ничего не добьешься без знания математики, физики, биологии. Математика, к примеру, помогает научно обрабатывать ход и результаты соревнований — и даже составлять прогнозы. Математически точно рассчитывается каждая тренировка, каждый сезон, каждый год.

ВОПРОС. Каким путем приходят в пятиборье?

ОТВЕТ. Разными путями, но лучший из них — упражнения ГТО. Они вообще очень похожи на само пятиборье, потому что приучают быть сильным в нескольких планах одновременно. Это совсем не случайно, что в 1949 году чемпионом СССР по многоборью ГТО стал Игорь Новиков, будущий четырехкратный чемпион мира по современному пятиборью.

ВОПРОС. Приятно быть знаменитым спортсменом?

ОТВЕТ. Конечно, приятно, когда тебя узнают на улице, тебе улыбаются, желают успеха. На пьедестале почета испытываешь безмерное чувство радости: не подвел товарищей

и тренеров, не зря о тебе страна заботилась. А главные, высокие спортивные достижения и звания заставляют тебя работать еще больше. Так что слава — очень хороший помощник.

ВОПРОС. Что бы вы посоветовали читателям «Костра», которые хотят добиться высоких спортивных результатов?

ОТВЕТ. Самоотверженно трудиться. Сейчас чем бы человек ни занимался, он ничего не добьется без очень большого и кропотливого труда. Бояться этого не надо. Если отчетливо видишь цель, то и труд не в тягость.

Корреспондент «Костра» пожелал Павлу Серафимовичу успешного выступления на Олимпиаде — от имени всех читателей журнала.

Вел беседу
Г. ТИМОХИН

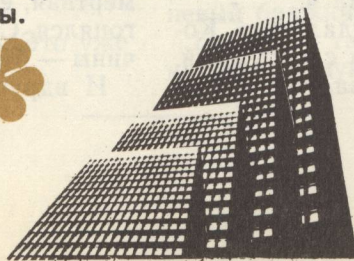
Традиционный олимпийский огонь будет доставлен в Монреаль необычным способом. Из Греции на искусственный спутник Земли будет передан код, состоящий из электронных импульсов. Сигналы со спутника примут в Канаде, это сделает лазер. Лазерный луч воспламенит газ в урне, и огонь вспыхнет.

Олимпийский стадион вмещает 70 тысяч зрителей.

По соседству со стадионом находится олимпийская деревня, где будут жить участники соревнований. Она состоит из четырех корпусов-пирамид. Они составлены попарно и образуют две 19-этажные пирамиды.

Впервые участники каждого вида спорта получают свое место сбора и отдыха, где можно посмотреть фильм о поединках минувшего дня, узнать подробные цифры результатов.

За олимпийскими состязаниями будет следить один миллиард телезрителей на всех континентах.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

А. БАТУЕВ

У меня в коллекции есть два экземпляра бабочки мертвая голова. Оба попали ко мне случайно.

Мертвая голова очень редкая бабочка. Только раз в жизни я видел ее во всем великолепии. Она получила свое название за рисунок на грудке, поразительно напоминающий человеческий череп с двумя перекрещивающимися костями. Исполинская гусеница этой бабочки желтая, с синими косыми полосками, усеянная черно-синими точками, имеет на конце тела изогнутый рог, напоминающий по форме латинскую букву «S».

Живет она на картофельной ботве, жасмине, астрагале. Казалось бы, чего-чего, а картошки у нас сколько хочешь. Но вот и гусеницу эту я никогда не встречал, хотя искал с исключительным старанием.

Подарил мне это «диво» знакомый пасечник. Он поймал ее в улье. Удивительно, каким образом огромная бабочка, с толстым массивным телом, имеющая в размахе крыльев двенадцать сантиметров, проникла в улей? Ведь пчелы никого не пускают в свой дом.

Есть интересное предположение. Замечено, что мертвая голова — единственная бабочка, которая может питаться. Схваченная, она всегда издает резкий писк. Это я сам слышал. Так не этот ли писк служит как бы паролем для входа в улей, поскольку напоминает звук, издаваемый пчелой-маткой?

Принесенная пасечником бабочка охотно ела мед, так что ее стремление проникнуть в улей стало мне понятно.

Второй экземпляр бабочки мне принесли рабочие на лесном кордоне под Воронежем. Бабочка залетела к ним в барак вечером на свет.

Я так обрадовался редкой находке, что заплатил принесшему бабочку рабочему десять рублей. В 1939 году здесь, на реке Битюг, гусь стоил одиннадцать рублей и, конечно, лесорубы заволновались.

— А если еще поймаете? У нас здесь по вечерам много их летает.

— Обещаю платить за каждую такую бабочку по десять рублей, — ответил я.

Усмехаясь в бороды, рабочие удалились. Конечно, в их представлении я был слабоумный, швыряющий деньги неизвестно за что, и они

были уверены, что хорошо заработают. Но я-то знал, какая редкость мертвая голова, и не надеялся на повторную удачу.

Действительно, кончилось лето, а мне больше не принесли ни одной.

Третья встреча с уникальной бабочкой произошла у меня в Саратове, как ни странно, в самом центре города.

На главной улице с газонами петуний и бархатцев уже зажигались фонари и уходящий день еще спорил с желтым светом электрических ламп. В этих полусумерках все виделось как-то особенно отчетливо. Неожиданно мое внимание привлекла огромная бабочка, устремившаяся к фонарю, висевшему над магазином. На какое-то мгновение она словно повисла в воздухе, распластав синеватые крылья, и я узнал мертвую голову.

Во всех руководствах говорится, что у бабочки передние крылья черно-бурые, но у этой при искусственном электрическом освещении они казались почти синими. Бабочка была настолько ярко окрашена, что можно было не сомневаться: это ее первый полет.

Покружившись вокруг фонаря, она спикировала к цветочной клумбе и понеслась вдоль проспекта на уровне первого этажа. Я бежал следом за ней по проспекту, ничего не замечая. Вероятно я производил странное впечатление.

И вдруг моя бабочка высоко взмыла вверх, перелетела дом и исчезла. Некоторое время я еще стоял в надежде, что она появится вновь, но тщетно. Взволнованный, растревоженный, раздосадованный я побрел домой. Первый раз в жизни встретился с замечательной бабочкой, и судьба так посмеялась надо мной!

В номере гостиницы меня встретили возмущенные товарищи.

— Почему у тебя такой вид?

— Сейчас на проспекте видел мертвую голову.

— Авария?

— Бабочка такая — мертвая голова.

— Тьфу! — возмутились мои приятели. — А мы уж думали, человека зарезало. Хороша мертвая, если ты за ней чуть ли не целый час гонялся. Странное занятие для взрослого мужчины — бегать за бабочкой.

И вдруг к нам в открытое окно ворвалась

огромная бабочка. С низким гудением она закружилась вокруг абажура.

— Скорее, скорее закройте окно! — закричал я.

Ошалев от яркого света, бабочка с головокружительной скоростью сделала два круга под потолком и шлепнулась за шкаф.

— Да замолчите же!

Мы стояли, затаив дыхание, прислушиваясь, ожидая появления бабочки. И вот из-под шкафа, трепеща крыльями, выбежала большая грузная сумеречная бабочка.

— Хватай ее! Хватай! — закричали приятели, но я молча открыл окно.

Рисунок Ю. Клыкова

— Стойте на месте! Стойте! Не наступите на нее...

— Ну, тебе и везет! Сама явилась. Это уже какая-то мистика!

Это был всего-навсего обыкновенный сиреневый бражник.

Больше я так никогда и не встречал знаменитую мертвую голову.

Маленькие дети рисуют одинаково: точка, точка, два крючочка... И англичанин, и эскимос, и украинец в возрасте трех-четырех лет выводят эти точки и крючочки похоже...

Но вот человек подрастает. Рассматривая его рисунки, уже не ошибешься, решая, где живет автор: под солнцем пустыни или среди голубых льдов.

И догадываешься об этом не столько по тому, **ЧТО** нарисовано, сколько по тому, **КАК** нарисовано.

Предложите ребятам разных республик нашей страны нарисовать богатыря, и вы получите совершенно разные рисунки: у русского будет витязь, у буряты — батыр, у грузина — джигит. И отличаться друг от друга они будут не только костюмами, это будут три совершенно разных героических характера. На художника влияет все: родная природа, язык, народные обычаи, и ведь у каждого народа — они особые, неповторимые.

Подумал я об этом, когда увидел рисунки двух девочек — Нафисы Рахимовой из Башки-

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

рии и Фираи Хакимуллиной из Татарии.

Первое, что бросается в глаза: художницы пишут чистыми красками, совершенно не смешивая их, причем берут самые яркие... Каждая краска имеет свое место, она четко ограничена линией рисунка. А рисунок строгий, ни одного лишнего штриха...

Изображение получается плоским, но зато ярким... А как же передать глубину пространства? Ведь все предметы плоские и ровно окрашенные? Посмотрите, как Фирая «усадил» свою бабушку на диван. Те предметы, что были ближе, закрывают те, что находятся дальше от зрителя. Этим достигается иллюзия пространства при плоском изображении.

Каждый предмет на рисунках девочек имеет свое точно найденное место: уберите аквариум в картине «Моя бабушка» — и потеряется синее пятно, которое уравнивает другое пятно — бабушкино платье. Картина сразу станет «слепой и пустой».

Краски, которыми девочки пишут, — обыкновенные акварельные краски. У Нафисы в портрете маленькой скрипачки ослепительно сияют ее золотые волосы. А знаете почему? Потому что фон ярко-голубой.

В рисунке Фираи «Зимние игры» представьте себе шубку не оранжевой, а ярко-малиновой, — и вы ничего, кроме нее, не увидите. Глаза ваши словно «прилипнут» к малиновому цвету...

Где же девочки научились так подбирать краски? Так четко и строго вести контур?

Уверен — в искусстве своего народа. Наверное, не раз всматривались, не раз перерисовывали орнаменты народных вышивок и аппликаций, узоров на глиняной посуде...

Спасибо Фирае и Нафисе за веселые, интересные картинки.

Борис АЛМАЗОВ

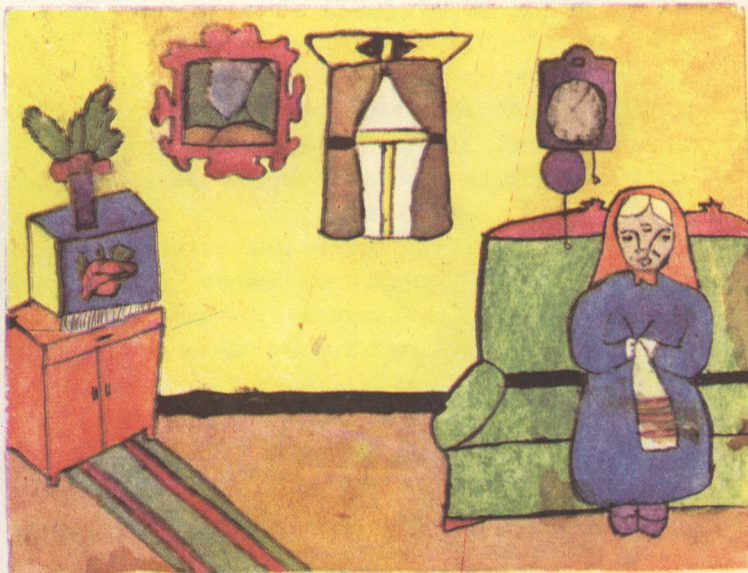
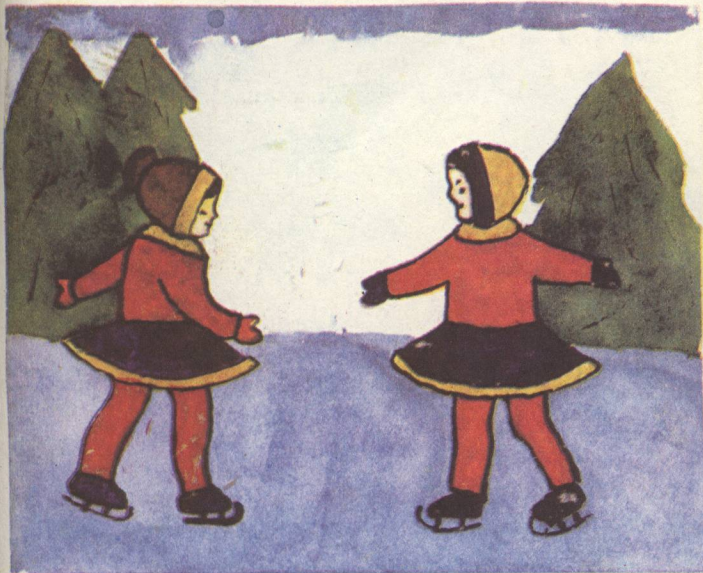
Юные художники!

Я получил ваши рисунки, присланные на конкурс «Первобытный человек рисует охоту». Рисунков оказалось так много, что пришлось долго-долго их рассматривать. Все они разные, каждый по-своему интересен. Это не удивительно, ведь и вы тоже очень разные.

Кто же победители конкурса? В этом номере мы помещаем лучшие рисунки. Чьи рисунки, тот и победил.

УГОЛЕК

Владислав Туралли
ОХОТА

**ЗИМНИЕ
ИГРЫ**

**МОЯ
БАБУШКА**

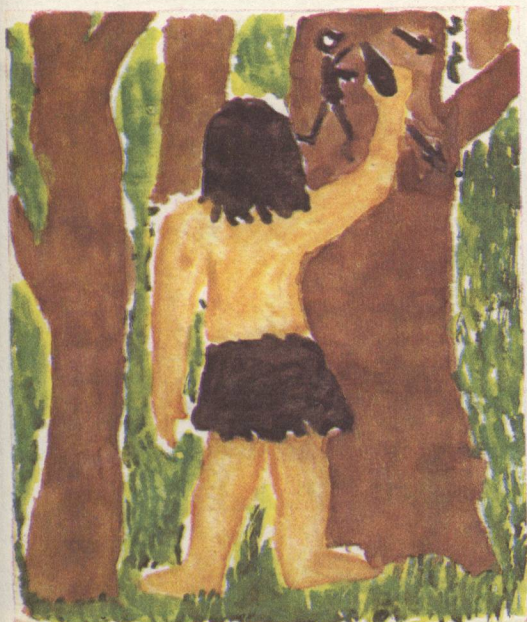
**Я ТОЖЕ
ХОЗЯЙКА**

Рисунки
Фиран
Хакимуллиной

СКРИПАЧКА

Рисунок
Нафисы
Рахимовой

Люба Солодарь
РИСУЕТ ПЕРВОБЫТНЫЙ ХУДОЖНИК

А. Реутина
ОХОТА
НА БИЗОНА

ПОСЫЛКА С ПОЮЩЕЙ ПТИЦЕЙ

— Получите посылку, — сказал курьер.

— Посылку? Но я сегодня не жду никакой посылки.

— Из Чехословакии. С пометкой „срочно“. Распишитесь.

На стол лег тяжеленный пакет: „Ленинград, радио, детская редакция. Отправитель — Детская редакция, радио, Прага“. Срываю печати, заклейки (марки, конечно, снимаю осторожно еще по старой детской привычке) и первое, что вижу, — птичку. Вот эту веселую поющую птичку. Читаю:

„Чехословацкое радио объявляет международный радиоконкурс юных музыкантов „Концертино — Прага“.

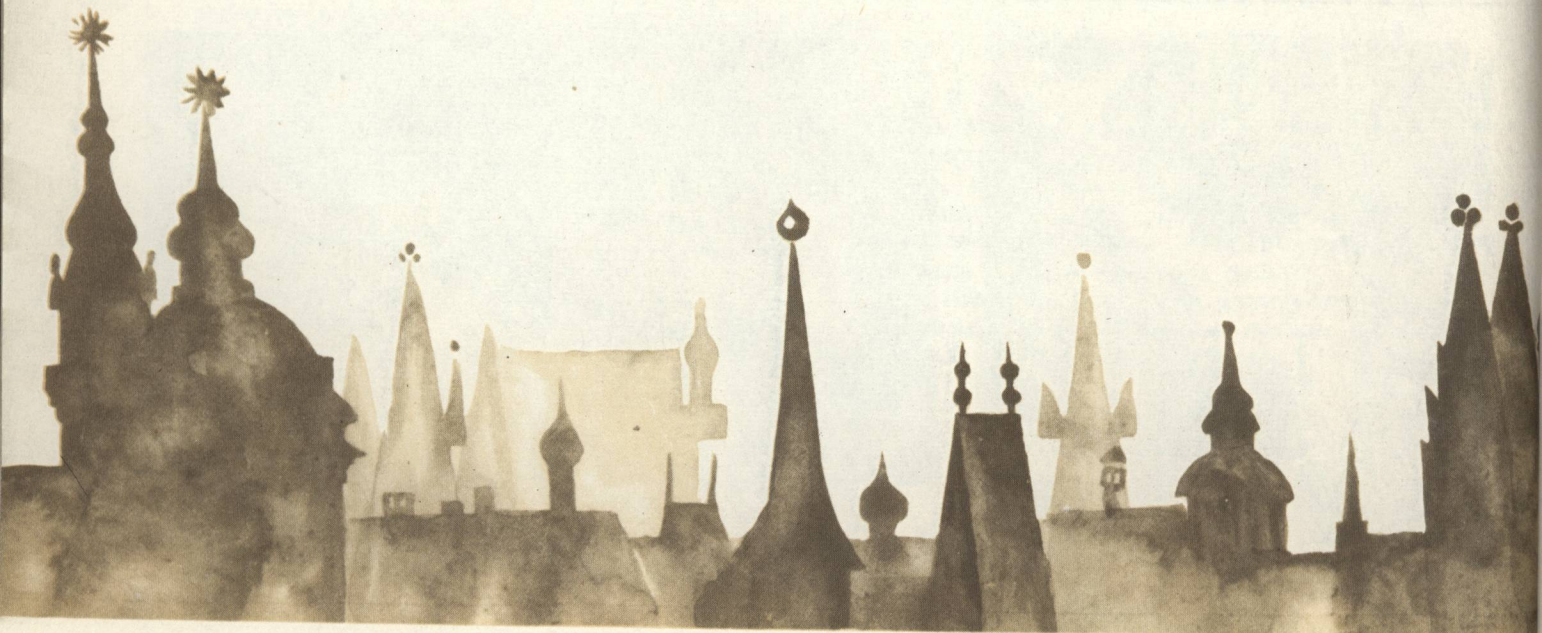
Под приглашением лежат ноты — сочинения чешских композиторов.

Еще раз вчитываюсь в текст приглашения и чувствую, что улыбаюсь — уж очень приятная новость. Есть международные олимпиады юных математиков, конкурсы художников, смотры и фестивали детских хоров. И вот теперь будет международный конкурс юных музыкантов.

Звоню в специальную музыкальную школу имени Римского-Корсакова при Ленинградской консерватории.

— Есть у вас таланты до шестнадцати?

— Конечно. И не один. Готовы в любой момент выступить на концерте.

— Не на концерте, а на конкурсе, и не просто на конкурсе, а в заочном да еще закрытом.

— Это что за удивительное состязание?

— А дело обстоит так: в Доме радио мы запишем выступление ребят на магнитную ленту и отошлем в Прагу.

— Значит, в Прагу ехать не надо?

— Нет, не надо. Жюри конкурса, в которое войдут известные музыканты, будут слушать звукозапись, не зная фамилий исполнителей. Когда жюри определит победителей, вскроют конверты с именами ребят. На конверте мы напишем номер, такой же, как и на коробке со звукозаписью.

— Поэтому конкурс и стал называться закрытым?

— Совершенно верно. Конкурс с секретом. И еще одно условие. Все участники должны обязательно разучить сочинения чешских композиторов. Ноты уже получены.

— Что ж, уверены, наши ребята не подведут...

И когда все препятствия были позади, полетела наша звукозапись в Прагу. Теперь уже на нашей посылке весело распевала птичка — эмблема конкурса „Концертино—Прага“. Оставалось набраться терпения и ждать. Июнь, июль, август, сентябрь... Ура! Вот какой ответ прилетел из Праги:

„С 13 по 15 октября 1975 года проходило заседание международного жюри радиоконкурса „Концертино—Прага“ в составе (далее перечислены профессор... профессор... профессор...). В результате оценки двадцати шести звукозаписей из СССР, ЧССР, Фин-

ляндии, Голландии, Канады, ГДР, ФРГ, Австрии, Польши жюри объявило лауреатов конкурса. По группе трио: ленинградцы Марк Таубе — скрипка, Сергей Печатин — виолончель, Светлана Гофман — фортепиано; по группе квартетов первое место занял квартет юных москвичей, второе — квартет из Ленинграда...“

Теперь победителям предстоит поездка в Чехословакию, чтобы выступить на концертах Южночешского фестиваля.

Наконец-то жюри увидит тех, кому присудило премии!

Наши ребята уже были в Чехословакии: те, кто победил в 1973 году: пианистка Ира Рюмина, скрипач Саша Козулин и виолончелист Володя Атапин. И вот что однажды с ними приключилось. Срочно надо было выехать на концерт. Концерт должен был транслироваться по радио. А когда ребята приехали, оказалось, что двое из трех забыли ноты. До начала всего минут двадцать и возвращаться за нотами поздно. Что делать?

— Трио Бетховена наизусть? — испугались взрослые. — Да ведь концерт передается по радио! А вдруг...

Но все обошлось благополучно.

„Ничего особенного тогда не случилось, — говорит Володя, — нам только пришлось собраться, сосредоточиться и... играть“.

Вот когда сказалась громадная работа, проделанная ребятами дома.

Сейчас, когда вы читаете июньскую книжку журнала, юные ленинградцы и москвичи выступают в Чехословакии. Это их победа.

Светлана ТИХАЯ

Рисунок Ю. Иванова

Майя БОРИСОВА

МАЛЬЧИК НА КОНЕ

Едет мальчик на коне,
И доволен он вполне.
Ничего, что в этот миг
Не ведет он грузовик,
Или трактор — в чистом поле,
Или в небе — самолет,
Что на мощном ледоколе
Не штурмует толстый лед,
И не мчится по волне
В катере сторожевом...
Зато сидит он

на коне,
Потном,
теплом
и живом.

Рисунок Т. Соловьевой

ЧУЖАЯ СОБАКА

За нами бежала собака!
Совсем не из лести и страха,
Совсем не за хлеб или сахар,
А просто —

бежала собака.
Собака не наша, чужая,
Должно быть, из крайнего дома.
Но нас далеко провожала
Она,

словно старых знакомых...
И в сторону вдруг отбегала,
И с лаем опять наступала,
И возле

кругами
носились,
И взглядом веселым косилась!
Потом

повернула обратно.
Но было нам очень приятно,
Что с нами

бежала собака:
Совсем не из лести и страха,
Совсем не за хлеб или сахар,
Так просто

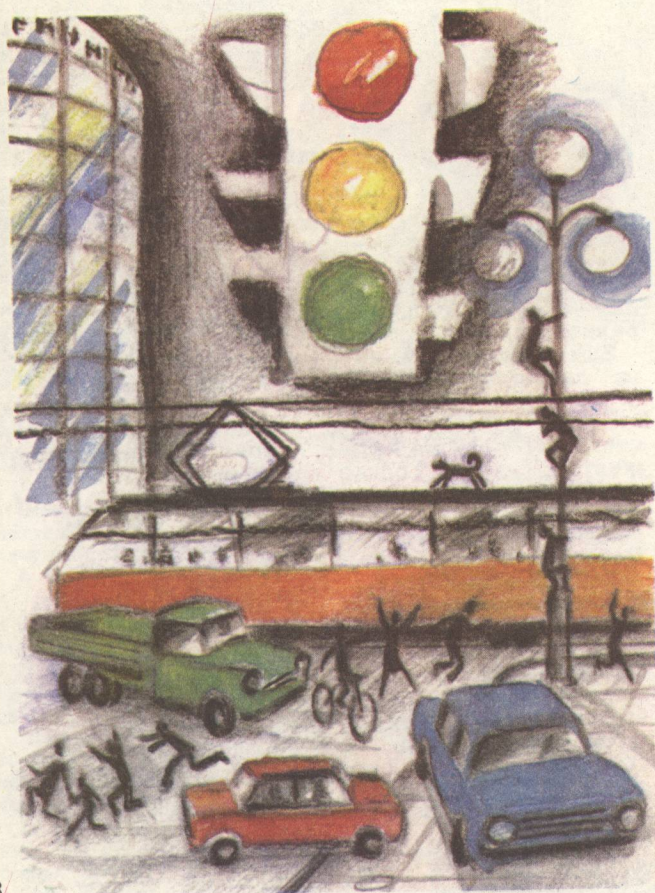
бежала собака...

не мешает, а светофор мигает себе да мигает.

Красный — желтый — зеленый. Красный — желтый — зеленый...

На колхозном сеновале
Подавал я сено Вале.

С. СКАЧЕНКОВ

Одуванчик улетает —
Остается ножка.
Улетает целиком
Маленькая мошка.

А. ЛИСНЯК

Рисунок Т. Капустиной

ЖАРА

Мы так мечтали о жаре
И в декабре, и в январе.
А в марте думали: — Скорей!
Скорей бы стало потеплей!
И еле-еле-еле
Дождались мы апреля.
Весь май мы дни считали
И ждали, ждали, ждали.
Вот, наконец, июнь пришел.
Жара, жарища — хорошо!
Сегодня жарко и вчера...
Скорей бы кончилась жара!

Т. КОТЕНЕВА

Вырезайте странички по сплошным линиям, согните по пунктирным, сложите по порядку номеров и сшейте книжечку.

КАК СДЕЛАТЬ ЖУРНАЛ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ «УГОЛЕК»

Рисунки А. Орлова

КРАСНЫЙ — ЖЕЛТЫЙ — ЗЕЛЕНый

С. НИКОЛАЕВ

Рисунок А. Орлова

Взял Алеша лист бумаги, карандаш, краски, кисточку и стал думать, что бы такое нарисовать. „Нарисую, — думает, — что в окно видно“.

А в окне виден перекресток. К нему трамвай подъезжает и две машины, люди идут, и дети играют с собакой.

Нарисовал все это Алеша и стал рисунком раскрашивать. Небо сделал голубым, трамвай — зеленым, машины — коричневыми, детей — разноцветными, а собаку — пестрой.

Еще поглядел в окно — увидел красный свет на светофоре. Нарисовал Алеша красный кружочек.

Снова поглядел — а на светофоре желтый свет. Заторопился Алеша, набрал на кисточку желтой краски. Только кружочек получился не желтый, а оранжевый.

Поглядел опять — а на светофоре уже зеленый свет. Опять, значит, перекрашивать. Поболтал Алеша кисточку в воде, набрал зеленой краски. Стал кружочек не красным, не оранжевым, а бурым. Не поймешь каким, ни то ни се.

„А что, интересно, будет, если светофор начнет ни то ни се показывать?“ — подумал Алеша. Думает, а сам рисует. И вот поехали автобусы по тротуару, люди от них спасаются, собака вспрыгнула на подоконник, а трамвай выехал на перекресток и перегорел улицу.

„Вот так неразбериха! — удивился Алеша. — Что же теперь делать?“

Глянул в окно — а там все в полном порядке. Машины едут, прохожие идут, никто никому

7

НЕУЖЕЛИ

Неужели бабушки девочками были?
 Неужели дедушки их дразнить любили?
 Неужели дедушки так озорничали?
 Неужели бабушки двойки получали?

А. ЛЮБЕГИН

Рисунок Ф. Васильевой

БОГАТЫРЬ

Пошел однажды Витя с отцом в лес. Лес сосновый, воздух там на хвое настоящий, дышишь — не надышишься.

Поднял Витя большую сосновую шишку и давай ее, как мячик, на ладони подкидывать. Подошел отец и говорит:

— Да ты, Витя, богатырь!

— Почему? — спрашивает Витя.

Отец улыбнулся.

— Потому что ты одной рукой целый сосновый лес поднял.

Взял отец у Вити шишку, повертел ее в руке и объяснил.

— Видишь чешуйки? В каждой из них два маленьких углубления, в каждом по семечку. Из каждого семечка можно вырастить сосну, а уж на ней столько будет шишек да семян, что на целый лес хватит. Вот и получается, что одной рукой ты поднял большой сосновый лес.

П. МОЧАЛОВ

КАК СДЕЛАТЬ ЖУРНАЛ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ «УГОЛОК»

Вырежьте странички по сплошным линиям, согните по пунктирным, сложите по порядку номеров и свяжите книжечку.

ЗДЕСЬ СРАЖАЮТСЯ ОЛИМПИЙЦЫ

Шахматисты! Завоевать 10 очков в шестом туре вы сможете, решив задачу-многоходовку и этюд.

А. Белые: Кра8, Фб3, Сб1; черные: Крh8, Лf1, Cd2, пп. с3, f4, g5. Мат в 9 ходов. Автор задачи — Б. Коцдон.

Б. Белые: Крh5, п. с6; черные: Краб, пп. f6, g7, h6. Белые делают ничью. Автор этюда — Р. Рети.

Шашкисты! Вам в шестом туре 10 очков достанутся, если вы решите концовку рыцаря из Первомайска — Олега Шалыгина.

А. Белые: d2, d4, f2, f4, g1, h2; черные: a3, b2, b6, d6, h4. Черные тут пошли b2—a1. Как теперь следует играть белым?

Б. Белые: b6, d4, e5, f2, f4, f6, g3, h2; черные: a3, b2, d2, d8, f8, h6, h8. Могут ли белые выиграть?

ПРОИСШЕСТВИЕ

Вчера в штаб АРЧЕБЕКА проник некий неизвестный из 5-го класса. Он пытался всех уверить, что играет лучше всех, и решает задачи лучше всех, и должен победить в Олимпийском турнире рыцарей. Он показал решения двух легчайших задач и стал требовать за них много очков. Но когда Ферзьбери велел ему подать решения в письменном виде, неизвестный предпочел обратиться в бегство. Тогда оруженосец Знай, воскликнув «Долой шахматную безграмотность!», преградил ему дорогу и объяснил, что если — слон a2 идет на d5, пишут Ca2—d5 (или Cd5).

Пешка c2 идет на c4, пишут c2—c4 (или c4).

Пешка c2 бьет на d3, пишут c2:d3 (или cd).

Ладья f4 бьет на c4, пишут Лf4:c4 (или Л:c4).

Шах обозначают знаком+ (Кеб+), мат — знаком X (Фе8X).

Рокировки: короткая — 0—0, длинная — 0—0—0.

Превращение пешки: в ферзя — с8Ф, в ладью — с8Л и т. п.

Знак ! (Ф:h7!) отмечает отличный, заслуживающий похвалы ход.

Знак ? (Се2?) отмечает плохой, ошибочный ход.

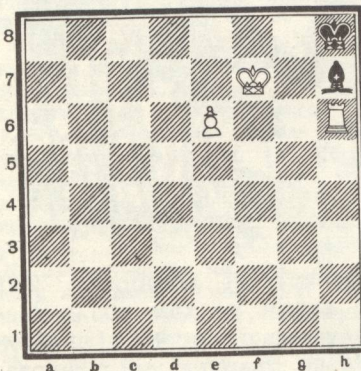
ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Сегодня ты должен показать, как действуешь, когда попадаешь в трудное положение. Например, в такое — белые; Кра5, Лg4; черные: Крс6, Фс1. Твой — белые. У тебя лишь ладья, а у противника ферзь. Сумеешь ты сделать ничью? И быстро!

НА ПОЛИГОНЕ

На полигон АРЧЕБЕКА прибыли для испытания новейшие образцы оружия, которое сконструировал воронежец Юрий Селявкин. Его оружие действует безотказно, но необходима умелая наводка. Стрельба ведется с дистанции четырех ходов в следующих условиях.

№ 1. Смотри диаграмму.

№ 2. Белые: Кра1, Фg4, Са2; черные: Кра3, п. a4.

№ 3. Белые: Кра1, Фе5, Сб3; черные: Крb4, п. a5.

Рыцари, на линию огня! Цель — черный король. Белые начинают и везде дают мат с дистанции четырех ходов!

СДАЙТЕ ЭКЗАМЕН ПЕШКОЕДОВУ!

— Следующие! — скомандовал шахмат-капитан, и к доске вышли

оруженосцы Знай, Незнай и Полузнай. — Вот позиции — № 1. Белые: Крe3, п. e4; черные: Крe5; № 2. Белые: Крd4, п. e4; черные: Крd6; № 3. Белые: Крe5, п. e4; черные: Крe7. В них ход белых. В каких вы выиграете?

— Я во всех выиграю! Проведу пешку — и конец!

— А по-моему, выиграть белыми ни в одной нельзя!

— А я думаю так: если черные мне проиграют, то я белыми выиграю, а если не проиграют, то я не выиграю.

— Ясненько, — усмехнулся Пешкоедов. — А при ходе черных какие позиции вы возьметесь белыми выиграть?

— Я все равно во всех выиграю! — А по-моему, теперь белые в третьей позиции смогут победить — они освободят пешке дорогу в ферзи!

— А я думаю так: если теперь мне черные проиграют, то я белыми выиграю, а если не проиграют, то я и теперь не выиграю.

Так отвечали оруженосцы. А вы? Укажите (и докажите!), какие ответы давал Знай. Сдайте экзамен Пешкоедову!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так.

Турнирные. Шахматы — А. 1. Фа8! **Б.** 1. Ле8! и если Сb6, то 2. Лb8; если Сс5, то 2. Ле5; если Cd4, то 2. Ле4. **Шашки — А.** 1. ed2! 2. b2! 3. c7 4. e3X. **Б.** 1. f8 a3 2. b4! c5 3. g7 d4 4. h8 e3 5. c3 f2 6. d4!X.

Оруженосцам. 1. Фе6! Кра4 2. Фа6X.

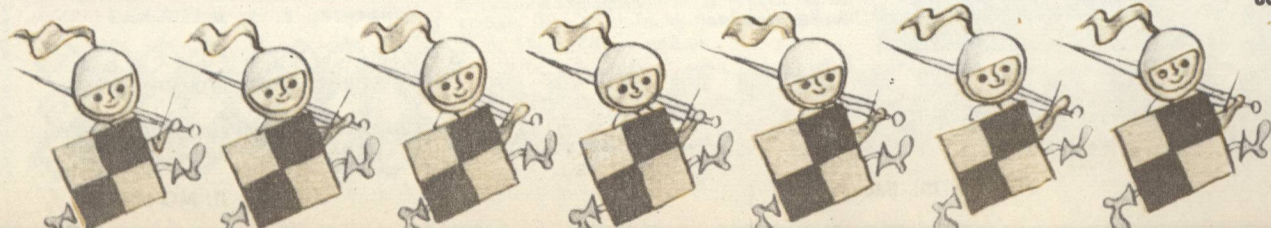
В кафе «Прходная пешка». 1. Kg8! Кр:g8 2. e7 Крh7 (Крh8 3. Крg6) 3. e8Ф; или 1... Крh8 2. Крg6 Кр:g8 3. e7.

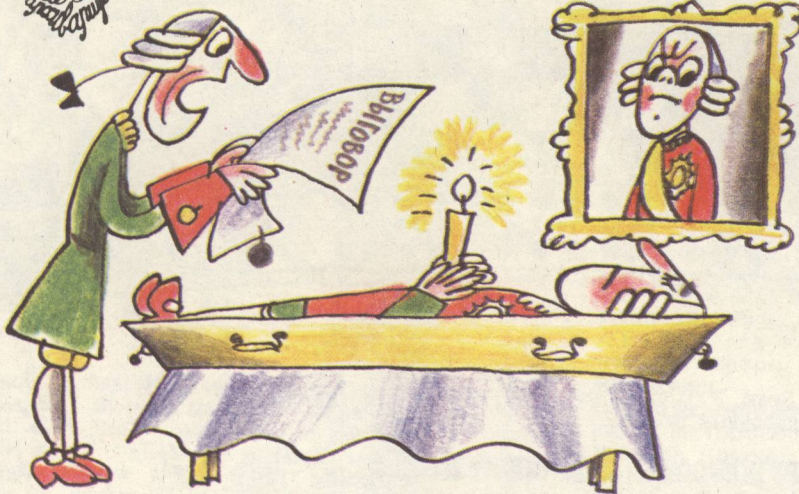
ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать турнирные рапорты до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

За время своего царствования Павел I отдал немало нелепых приказаний. Вот два из них, отданные в 1800 году:
„Полковник Тинков выключается из службы вследствие рапорта его о неотыскании им гарнизонного батальона, коего он был назначен командиром“.
„Умершему генералу Врангелю, в пример другим, объявить строжайший выговор“.

Михаил Лунин, впоследствии известный декабрист, был гвардейским офицером и стоял со своим полком возле Петергофа. Лето было жаркое, солдаты и офицеры в свободное время купались в заливе. Однако гвардейский генерал-немец запретил эти купания, так как они происходили вблизи проезжей дороги и „оскорбляли приличие“.

Выбрав момент, когда генерал проезжал по той самой дороге, Лунин вошел в воду в полной форме — в кивере, мундире, рейтузах и ботфортах. Поравнявшись со странным купальщиком, генерал увидел, что тот, по горло в воде, отдает ему честь.

— Что вы тут делаете? — спросил изумленный генерал.

— Купаюсь в приличной форме, — ответил Лунин.

Рукописи и фотографии не возвращаются.

Адрес редакции: 193015. Ленинград, Таврическая, 37, телефон 74-93-84

М-25058. Сдано в набор 4/III 1976 г. Подписано к печати 30/IV 1976 г. Формат 60x90¹/₈. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 600 000 экз. Зак. 2255. Цена 25 коп. Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 197101, Кронверкская ул., 7.

СОДЕРЖАНИЕ

У самого белого моря	1
<i>очерк В. Арро</i>	
Пять похищенных монахов	4
<i>повесть Ю. Коваля</i>	
Окно пятилетки	18
Барабан	
<i>журнал юнкоров</i>	20
Таежные стихи	
<i>А. Клещенко</i>	24
Беседа у костра	
<i>В. Сулова</i>	25
Такая у нас задача	
<i>интервью</i>	
<i>с бригадиром-строителем</i>	
<i>З. А. Смирновой</i>	26
У пионеров Венгрии	
<i>очерк В. Смирнова</i>	28
Русские рябины	
<i>очерк А. Иванченко</i>	30
Страничка артековской истории	
<i>заметка</i>	
<i>Л. Кондрашенко</i>	33
Каждому хочется иметь тельняшку	
<i>рассказ А. Кириосова</i>	34
Живая вода	
<i>беседа М. И. Врублевского</i>	38
Морская газета	40
Несколько историй из жизни паровозов	
<i>очерк Я. Длуголенского</i>	42
Укротитель	
<i>рассказ В. Гальченко</i>	45
Наш Пионерстрой	46
Про жеребенка Мишу	
<i>сказка Р. Погодин</i>	48
Библиотека КОСТИ ТЕИ кина	51
Спорт	52
Мертвая голова	
<i>записки натуралиста</i>	
<i>А. Батуева</i>	54
Поговорим о твоём рисунке	56
Посылка с поющей птицей	
<i>очерк С. Тихой</i>	58
Стихи	
<i>М. Борисовой</i>	60
Уголёк	
<i>журнал для малышей</i>	61
Арчебек	
<i>шахматы и шашки</i>	63

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

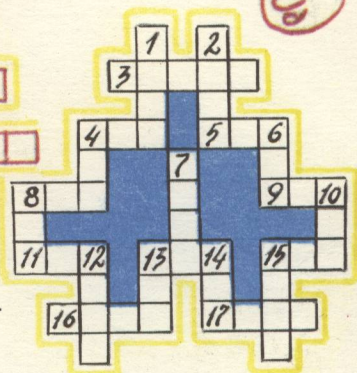
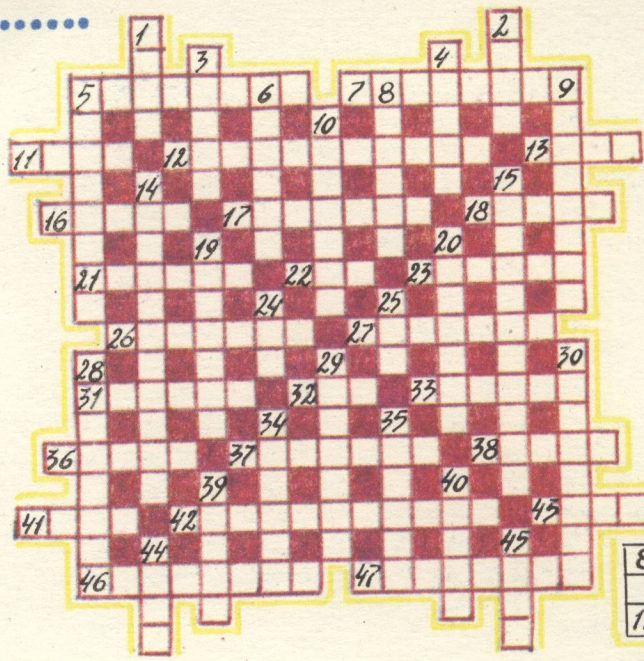
Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Т. В. ЗАХАРОВА,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
В. В. ТОРОПЫГИН,
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор В. А. МАЕВСКАЯ

Составил
и оформил
В. Уфлянд

По случаю окончания учебного года и предстоящих каникул клуб «За семью печатями» решил подвести некоторые итоги.

На очередном заседании звездочет Хуссейн сообщил, что число различного рода занимательных задач, присланных ребятами и признанных достойными храниться за семью печатями в сокровищнице клуба, перевалило за пятую сотню.

Выражая признательность и благодарность всем составителям занимательных задач, клуб и в дальнейшем будет публиковать по одной-две работы наших читателей ежемесячно. Разумеется, это будут лучшие работы.

Десять самых искусных и неутомимых изобретателей головоломок, прославившие наибольшее количество остроумных работ, признаны победителями 1975—76 года.

Их имена: **КАНАТ БАРАНБАЕВ** из с. Астраханка Целиноградской области, **ВОЛОДЯ БОБРИКОВ** из Барнаула, **КОЛЯ ДОСКУМБАЕВ** из с. Нижний Бурлук Кокчетавской области, **ЮРИЙ КАРУНАС** и **ИГОРЬ ДУВАКИН** из Прокопьевска, **ЛЕНА ПЧЕЛИНА** и **ИРА ГОЛОВАНОВА** из г. Кстово Горьковской области, **НАТАША ПАРОМОВА** из Невьянска Свердловской области, **СТЕПАН ГРИГОРЬЕВ** из Еревана, **ИГОРЬ КРЕСТОВСКИЙ** из г. Раздельная Одесской области.

Все они награждаются памятными подарками и получают звание **ПОЧЕТНОГО ЧЛЕНА КЛУБА «ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ»**.

Предлагаем головоломки, присланные победителями.

ПЛЕТЕНКА Степана Григорьева.

Сверху вниз, слева направо: 1. Один из маршалов Наполеона. 2. Изделие из бересты. 3. Мера веса. 4. Плод пальмы. 5. Знойный ветер. 6. Населенные страны. 7. Мифический великан. 8. Древнеперсидский царь. 9. Слой древесной коры.

Снизу вверх, слева направо: 9. Отверстие в палубе. 10. Грызун. 11. Временная постройка. 12. Нагромождение льда. 13. Город в Австралии. 14. Овощная культура. 15. Краска из окислов железа или свинца. 16. Мелодия, напев. 17. Приношение.

КРОССВОРД «НАУКА» Игоря Крестовского.

По вертикали: 1. Углерод-азотное соединение. 2. Наклон. 3. Часть холма. 4. Элементарная частица. 5. Тип ускорителя частиц. 6. Краситель. 8. Образец. 9. Русский физик. 10. Часть радиоприемника. 14. Ускоритель реакций. 15. Наука об управлении. 19. Деталь грозоотметчика А. С. Попова. 20. Химический элемент. 24. Галоген. 25. Единица работы. 28. Раздел философии. 29. Вид движения. 30. Основа железобетона. 34. Каучук. 35. Металл. 39. Минерал. 40. Советский физик. 44. Единица строения вещества. 45. Французский физик.

По горизонтали: 5. Американский физик. 6. Американский химик, создатель нейлона. 11. Одна из характеристик переменного тока. 12. Радиотехническая деталь. 13. Химическое соединение. 16. Сборник карт. 17. Химический элемент. 18. Родоначальник кибернетики. 21. Лицо, произносящее речь. 22. Английский ученый. 23. Многолетнее растение. 26. Элементарная частица. 27. Процесс переработки нефти. 31. Горная порода. 32. Одна из характеристик винта. 33. Работник радиовещания. 36. Способ, система. 37. Советский химик. 38. Хранилище. 41. Светлое пятно на темном фоне. 42. Элементарная античастица. 43. Часть окружности. 46. Лабораторный прибор. 47. Единица строения вещества.

КРИПТОГРАММА Коли Доскумбаева.

Разгадав слова и подставив вместо цифр буквы, прочтете отрывок из стихотворения. Кто написал эти строки?

4. 9. 16. 14. 12 — равный результат соревнования. 3. 6. 17. 10 — перелет маршрутного лайнера. 8. 22. 18. 15. 22. 13. 5 — игра. 19. 2. 1 — порода собак. 20. 2. 21. 6 — часть винтовки. 7. 6. 11. 3. 14 — кабан.

ГОЛОВОЛОМНЫЙ КРОССВОРД Володи Бобрикова.

Сначала нужно отгадать следующие слова.

Трехбуквенные: Д — порода собак. Л — овраг. Л — участок, покрытый травой. Т — место для молотбы. Д — место для ремонта судов. Т — взрывчатое вещество. Р — столица европейского государства. Л — инструмент для тяжелых работ. М — повальная гибель от эпидемии. М — расточительный человек. Ш — скомоорох. Ф — английская мера длины. К — стоянка паромов.

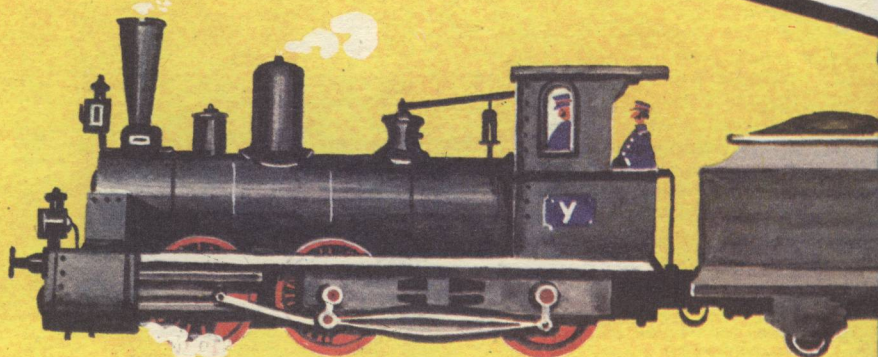
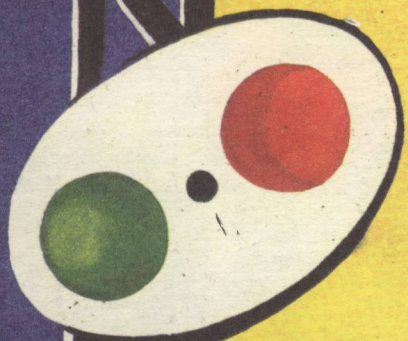
Четырехбуквенные: Т — базар, рынок. П — воинская часть. Т — переносное выражение, метафора. У — отравление печным газом. Т — стальной канат. А — монгол-скотовод. Ф — старинное название буквы русского алфавита.

Пятибуквенное: Р — недовольство. Затем нужно прочесть эти слова наоборот и получившиеся новые слова вписать в клетки рисунка так, чтобы у вас получился правильно заполненный кроссворд.

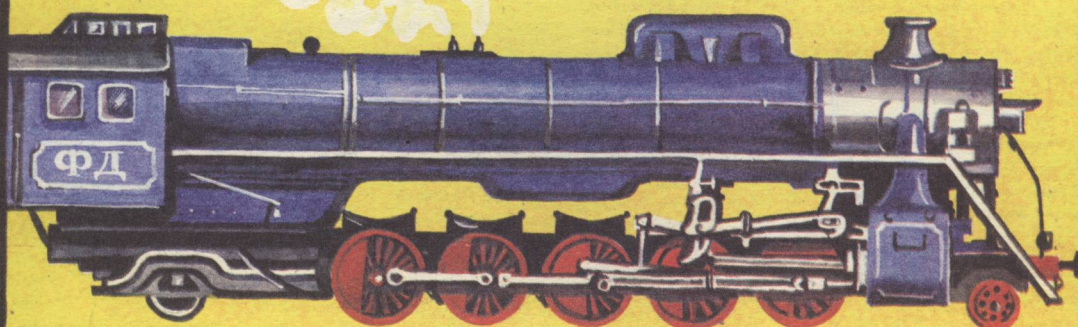
ОТВЕТ НА ЗАДАНИЯ № 5.

На заседании присутствовали: Боцман Румпель, Профессор Эвзэмский, Веселый архивариус, Старый Барбанщик, Находчивый Палочкин, Демьяша, Хуссейн, Гном-Гастроном, Сиволапыч. Подставив вместо цифр буквы в их фамилии и имена, вы получите ключ к зашифрованным стихам: Сорок лет прошло с тех пор, Как читатели журнала В первый раз прочли «Костер». Это все-таки немало!

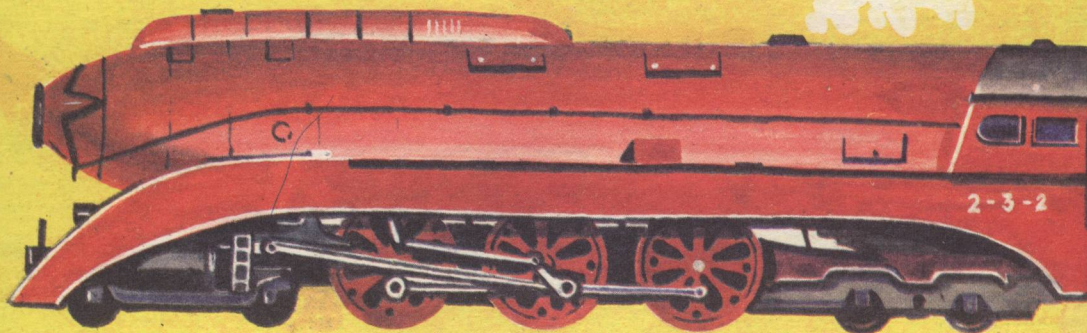

Паровоз серии „У“ — „Уточка“

Товарный паровоз „ФД“ („Феликс Дзержинский“)

Курьерский паровоз „Красная стрела“

Паровоз П-36